

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES

SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

VII

SZEGED
1969

**Publicationes Instituti Philologiae Rossicae in Universitate
de Attila József Nominata**

VII.

Redigit

György Szóke

Seriem publicationum edendam curat

Imre H. Tóth

GEORGI
C. 1

ПОИСКИ ЖАНРА

(Из наблюдений над поэзией И. Сельвинского 20-х годов)

А. Карпов

Стремление выразить своё отношение к Октябрю — одна из характерных особенностей советской литературы в первые пореволюционные годы. Этим, прежде всего, объясняется решительное преобладание в поэзии жанров лирических.

Обратившись к поэзии этих лет, нетрудно заметить, что лирическое начало, всегда достаточно сильное в стихотворных произведениях, традиционно относимых к эпическим жанрам (балладах, стихотворных повестях, поэмах, даже романах в стихах), сказывается теперь особенно ошутимо. Приподнятость выразительных средств, тяготение к высокой патетике характеризует и многие из появившихся в то время рассказов, что делает их близкими по жанру к стихотворениям в прозе. Не сюжет, а лирическое переживание является движущей силой, пружиной их развития. Этим определяются все особенности их строя и, в первую очередь, — повышенность эмоционального тона. Немало примеров тому встречается в творчестве В. Кириллова, Н. Ляшко, А. Поморского и др.

Но всё отчетливее встаёт в это время перед советской поэзией задача создания эпоса революции.

Решительнее других о необходимости обращения в поэзии к большим эпическим формам заявляют в двадцатые годы конструктивисты. При этом ими настойчиво утверждается требование инфляции методов прозы в поэзию. И. Сельвинский, возглавлявший эту немногочисленную, но громко заявившую о себе литературную группировку, в программной статье „Кодекс конструктивизма” пишет о необходимости перевода поэзии „на бьющие в глаза прозаические рельсы”.¹ Теоретик конструктивизма К. Зелинский выдвигает как насущнейшую задачу „введения в поэзию повествования и вообще приёмов прозы.”

Новелла, рассказ в стихах, наконец, стихотворная повесть становятся едва ли не излюбленными жанрами в поэзии конструктивистов. При этом стихотворные произведения заметно прозаизируются, это отражается на всей художественной структуре их: на композиции, образном строе, лексике и т. д. Особое внимание конструктивистов привлекают — вследствие их остроты — сюжеты авантурные. Им отдают дань и Б. Агапов, и Н. Адуев, и даже глубоко камерный лирик В. Инбер, но, пожалуй, охотнее других Н. Панов (Дир Турманный).

¹ Сельвинский, И. Кодекс конструктивизма. — „Звезда”, 1930, № 9—10, стр. 258.

Но наиболее последовательно верность принципам конструктивизма утверждает — и статьями, и выступлениями, и своим поэтическим творчеством — Сельвинский. Весьма скептически оценивая возможности лирики, он выступает убеждённым сторонником эпических форм в поэзии.

Уже в юношеской лирике поэта — стихи эти вошли позднее в книгу „Ранний Сельвинский” (1929) — отчётливо ощутима определённая заданность, рационалистичность стиха. Строго логическая основа приглушает здесь эмоциональную непосредственность речи, описательность становится характерной чертой многих стихотворений („Зунд”, „Гавань”), лирический сюжет развивается, как система доказательств („Марки”) Тяготение к многообразной обработке лирической темы („Осень” — 4 стихотворения, и в особенности „Красное манто” — 5 стихотворений) свидетельствует о стремлении поэта преодолеть присущую лирике бессюжетность.

Стремление это в книге „Ранний Сельвинский” приводит к попытке создания новой жанровой формы — короны сонетов. При этом исконно лирический жанр — венок сонетов — должен был, по мысли автора, наполниться новым, эпическим содержанием. О причинах, побудивших его превратить венок сонетов в корону, сам Сельвинский много позже писал так: „Как правило, переживание, заключённое в венке сонетов, вполне разрешается магистралью, поэтому сам по себе венок — это почти всегда размазывание того экстракта идеи, который гнездится в пятнадцатом сонете. Другое дело эпос. Тут сонет № 15 сосредотачивает в себе афористический вывод из целой картины жизни, но для того, чтобы изобразить эту картину, магистрального сонета совершенно недостаточно, а необходимы по крайней мере все четырнадцать.”²

„Короны сонетов”, помещённые в сборнике „Ранний Сельвинский”, позволяют проследить в поэзии Сельвинского процесс вызревания повествовательного начала, процесс выделения героя, судьба которого определяет движение сюжета, наконец, процесс поисков тех „объективирующих форм”, в которых, по Гегелю, и предстаёт в эпосе объективность.

Тема моря — одна из основных в ранней лирике Сельвинского, — развиваясь, соединяется в короне „Бриг „Богородица морей” (1921) с темой сильного человека, противостоящего стихии. Корона эта тоже описательна в основе своей, и описания эти внешне так же эффектны, как и в лирике.

Однако, в „Бриге „Богородица морей” уже не переживание, а действие определяет развитие сюжета, предпринята попытка создания образов членов экипажа корабля. Впрочем, это скорее набросок одним — двумя штрихами, чем эпический развёрнутый портрет, к тому же набросок откровенно трафаретный: „А Нильсон. Тот с ножом не расстаётся, Носил на горле бороду, как боцман (Да только жиже); вечно тон и шик.”³

Стремление во всём следовать здесь далеко не лучшим канонам воспринимается как осознанный приём. Отсюда — и откровенная картинность сцены шторма, чудесное спасение потерпевших крушение моряков.

Эпической широты не достаёт „Бригу „Богородица морей”. Отказавшись от сюжета лирического, в основе которого лежит движение переживания, Сельвинский в то же время не смог построить свою корону на эпическом основании, предполагающем изображение событий. Откровенная условность изображения и нарочитая алогичность развития действия (гибнет сильный

² Сельвинский, И. Студия стиха. М. изд. „Советский писатель”, 1962, стр. 135.

³ Ранний Сельвинский. М.—Л. ГИЗ, 1929, стр. 227.

духом, знающий, борющийся за свою жизнь Норвельде; спасаются полагающиеся лишь на чудо растерявшиеся его товарищи) не позволяет короне Сельвинского стать изображением части целостного бытия. А именно последнее определяет природу эпического творения.

Думается, что повинна в этом не только неопытность начинающего поэта. „Поэзия — коэффициент впечатлений”, — скажет И. Сельвинский, выступая в качестве одного из персонажей стихотворной повести „Записки поэта”. Автор стихов сборника „Ранний Сельвинский” не ищет ещё этого коэффициента, отсюда — и определённая отвлечённость стихов (начинающаяся уже с тематики), и жёсткая рационалистичность их (верность создаваемой поэтической системе предпочитается верности жизненной правде).

Попытки обращения к эпическим формам знаменовали в поэзии Сельвинского преодоление той инфантильности, которая была столь характерна для его ранней лирики. Однако, развитие характеров, развитие действия в его коронах сонетов было, словно тисками, стиснуто лежащей в основе произведений схемой. Коронам Сельвинского не хватало широты дыхания, присущей эпосу, где обилие внешне не обязательных сюжетных линий, ситуаций призвано воссоздать полноту картин жизни. Здесь объяснение той трагической предопределённости развития действия, которая характерна для „Четвёртой короны сонетов” (1920) и короны „Бар-Кохба” (1920).

Сила рока тяготеет над героями. В „4-ой короне сонетов” безымянный студент бросает вызов „боксёрскому полубогу”, отлично осознавая, „что он, ну, хряц, а тот — манежный царь”. Логика развития сюжета чрезвычайно строга: чемпион мира Томас Джонсон „отбил студенту внутренности в матче Двумя мячами гениальных рук”, но сам, надев в знак траура по студенту трико, получает пуляковую царапину, которая растекается смертельной гангреной. Логика развития сюжета чрезвычайно строга, но определяется она, эта логика; не более, не менее, как... роком: „Ах, дни за днями: рок судил иначе”. В „4-ой короне сонетов” — рационалистический схематизм того же самого лирического свойства, что и в предшествовавших коронам стихах.

Корона сонетов не может стать эпосом. Не случайно поэт избегает всего, что могло бы указывать на время действия в его стихах. Герои его стихов, несмотря на то, что облик их выписан с детализацией почти натуралистической, предстают лишь в качестве функций авторского замысла. Так в „4-ой короне сонетов” открывается разительный контраст между силой (внешней) и слабостью (истинной) человека, контраст между кажущимся всесилием его и подлинной слабостью перед судьбой.

Искусственность такого рода построений обнаруживается особенно отчётливо там, где жёсткая (рационалистически построенная) конструкция призвана вобрать в себя силовые линии эпохи.

Вот возникает в короне „Бар-Кохба” картина бунта против власти римлян. Из уст вождя восставших Бар-Кохбы звучат призывы, близкие тем, что вошли в гимн пролетариев мира: „Внемлите мне: не бог, не вождь, не кесарь Спасут вас, иже пас, иже пахал.”

Но это пунктиром намеченное сопоставление никак не развито в поэме. В центре её, как и в лирике Сельвинского, как и в тех коронах, о которых до сих пор шла речь, — трагедия сильной личности, гибнущей нелепо, почти бессмысленно. Но это только на первый взгляд. Подобно Норвельде, подобно Томасу Джонсону, Бар-Кохба выписан поэтом с осязаемой достоверностью,

поражая подлинно животной силой: „В нем мудрая урчала требуха, В нём мышцы переслаивались дыбой, И мохногривых плеч глухие глыбы Лоснились, как демьянова уха.”

Духовное в облике героя приглушено: это уже не царь природы, а лишь частица её. И почти сверхъестественная сила его оказывается в общем весьма примитивной. Замкнутая сфера, в которой пребывает герой этой — и только ли этой — короны сонетов, оказывается чрезвычайно ограниченной.

В критике 20-х годов тяготение Сельвинского к эпическим формам единодушно расценивается как ответ на те требования, которые предъявляет эпоха поэзии. „Почему Сельвинский перешёл на эпос? — спрашивал один из критиков и отвечал. — Ради материального опознания людей и вещей эпохи. Он прочитал запрос времени, сказавшийся в разрушении малой лирической формы и в захвате литературы прозой.”⁴

Но обращение к эпосу окажется для Сельвинского плодотворным лишь тогда, когда он поставит перед собой задачу выявить черты революционной эпохи в облике и развитии своих героев. Не сходный ли — принципиально — путь проходят в то же время, в те же годы Э. Багрицкий (от „Сказания о море, матросах и Летучем Голландце” — к „Думе про Опанаса”), Б. Пастернак (от „Высокой болезни” — к „1905 году” и „Лейтенанту Шмидту”), Н. Тихонов (от „Шахмат” — к „Выре”).

Короны сонетов, помещённые в сборнике „Ранний Сельвинский”, — первое свидетельство стремления поэта раздвинуть границы того узкого мира, в котором живёт герой его лирики. Решить здесь эту задачу ещё не удалось. Следует, однако, подчеркнуть, что возможности героя поэзии Сельвинского были здесь исчерпаны до дна — и это чрезвычайно важно. Несколькими годами позже, в стихотворной повести „Записки поэта” (1928) Сельвинский расскажет о тех опасностях, которые подстерегают поэта на том пути, каким шёл он сам.

Герой повести, провинциальный поэт Евгений Ней, не без оснований говорит о себе: „Я не поэт — я утончённейший виртуоз, И расцветенность первой моей тетради Лишь пестрота коллекции марок.”

Сельвинский, выступая в качестве одного из персонажей повести, даёт своему герою суровый урок: „Всё превосходно: Ритмика, рифма, образный иконостас. Но в целом баллада — разрозненное мирозданье, И той невидимой точки, вокруг которой Могла бы организовать система — нет. Ищите её — эту точку. В ней-то всё дело.”⁵

Но не потому ли так сурова эта оценка, что Ней чрезвычайно близок лирическому герою раннего Сельвинского? „Образы водятся там, где кочует мысль”, — поучает поэт в повести своего героя. Но ведь именно это качество стихов Нея выделяет в предисловии к его посмертному сборнику один из персонажей повести Н. Галинский: „Сокровенный план его личности философичность. . .” А слова Сельвинского о „той невидимой точке, вокруг которой могла бы организовать вся система”? Разве не близки им размышления Нея о „той системе систем, какую поэт Бывает могуч, вздымая богемские орды, Либо непонятым оставаясь в веках.”

⁴ Блюменфельд, В. Илья Сельвинский. — „Жизнь искусства”, 1929, № 8, стр. 2.

⁵ Сельвинский, Илья. Записки поэта. Повесть. М.—Л. ГИЗ, 1928, стр. 12.

Эту особенность поэзии Сельвинского точно подметил в своё время поэт и критик Мих. Зенкевич: „Сельвинский умеет растворять своё „я“ в чужих, в больших сюжетных построениях, которые обычно под силу только прозаической повести”⁶.

В наиболее обстоятельном разборе повести Сельвинского, появившемся вскоре после выхода её в свет, критик Л. Тальников определил основной конфликт её как „трагедию уединённой личности”⁷. Это очень верно. Ней ищет своё место не в жизни, а в искусстве, и сферы их для него лишь существуют. Вопросы поэтической технологии для Нея — на первом плане, и потому крайняя ограниченность характерна для всех проявлений его духовной жизни.

Ней гибнет, не сумев выйти к эпохе.

Называя художественный метод конструктивизма „дубльреализмом”, Сельвинский подчёркивает: „Сюжет у конструктивистов составляет ось дубльреализма: вокруг неё вращается вся конструктивистская поэтика”⁸. Несколько ранее теоретик конструктивизма К. Зелинский назвал стиль конструктивизма „целестремлённым”, в отличие от „целесообразного”, по его определению стиля классического реализма.⁹

Сюжет повести Сельвинского действительно развивается чрезвычайно целеустремлённо: каждый эпизод её — новый шаг Нея к краху.

Но последовательная целеустремлённость стиля повести едва ли может быть оценена только как достоинство её. Есть здесь и оборотная сторона: неумолимость, с какой Ней подводится к гибели, лишает повесть той естественной широты изображения действительности, которая присуща эпосу. История Евгения Нея, воссозданная в „Записках поэта”, едва ли выходит за рамки частного эпизода. И объясняется это не только — и даже не столько — верностью Сельвинского догмам конструктивизма, сколько тем, что герой повести откровенно мелок. Ней — не маленький, а именно мелкий человек. Он не может вобрать в себя сколько-нибудь существенные черты эпохи и уже по одному этому не может стать в центре эпического повествования. Именно поэтому повесть Сельвинского, весьма точно воспроизводящая мелкие детали эпохи, оказывается не в состоянии воспроизвести существенные её черты.

В прямой связи с этим находится жанровая неопределённость повести Сельвинского, верно подмеченная уже в одной из первых рецензий на „Записки поэта”: „Его (Сельвинского — А. К.) выход в эпос — результат „несовременности” лирики, но вместе с тем лирика как-то должна существовать и существует”¹⁰.

„Записки поэта” в основной своей части — лирическая исповедь, повествовательность оказывается формой её; сборник лирических стихов Нея „Шёлковая луна”, помещённый в качестве приложения к повести, усиливает лирическую струю в книге Сельвинского. Известно, что в лирике (в особенности именно в лирике, где между поэтом и читателем нет посредников) значительность созданного определяется значительностью стоящего в центре произве-

⁶ Зенкевич, М. Обзор стихов. — „Новый мир”, 1930, № 2, стр. 227.

⁷ Тальников, Д. Гул времени. Литература и современность. М. изд. „Федерация”, 1929.

⁸ Сельвинский, И. Кодекс конструктивизма. — „Звезда”, 1930, № 9—10, стр. 255.

⁹ Зелинский, К. Разговор с американскими писателями. — „Октябрь”, 1929, № 9, стр. 134.

¹⁰ Н. Степанов: (Рецензия на кн.) И. Сельвинский, Записки поэта. — „Звезда”, 1928, № 3, стр. 189.

дения характера. Евгений Ней, по характеристике одного из персонажей повести, критика-конструктивиста Аксёнова, оказывается „поэтом второго отражения”, и именно потому, что не сумел стать вровень с эпохой. В этих условиях лирическое не может служить усилению значительности произведения.

Стремление сообщить лирике черты эпические оказывалось мало плодотворным. Не отказываясь от лирики, Сельвинский ищет формы, которые позволили бы ему, говоря словами критика Д. Мирского, „рассказать объективно существующие факты”.¹¹ Лирические монологи в его стихах уступают место новеллам („Тряпной король”), стилизованным рассказам („Вор”) и т. д. Опыт сборника „Ранний Сельвинский” отзовется позже, в лирике 30-х годов (например, в „Тихоокеанских стихах”). В середине 20-х годов поэт ищет пути к объективированному изображению действительности. В одной из своих статей („Поэзия „а-жур”, 1929) Сельвинский говорит о чертах, обязательных для эпических произведений: об искусстве „создавать портреты, рисовать вещи, пейзажи, социальный фон, распутывать классовые, психологические и бытовые узлы темы, варьировать ощущения читателя”...¹² Слова эти написаны уже после выхода в свет стихотворной эпопеи „Улялаевщина” (1927) — произведения, замечательного масштабностью воспроизведения революционной действительности.

„Улялаевщина” писалась одновременно со стихами, составившими сборник „Рекорды” (1926). Стихи эти невольно воспринимаются как эскизы к „Улялаевщине”, как поэтическая лаборатория, в которой рождалась революционная эпопея. Здесь воссозданы истоки той психологии „переходников”, которая отзовется в поэме Сельвинского, отрабатываются приёмы создания многопланового характера, идёт процесс овладения искусством сюжетного повествования, языковой характеристики персонажей, а главное — оттачивается умение уловить и изобразить важнейшие черты эпохи. Точная детализация и яркая изобразительность, присущая ранним стихам Сельвинского, обретает здесь новое качество, становясь средством создания документально точного, эмоционально насыщенного повествования.

Анализ „Улялаевщины” не укладывается в рамки настоящей статьи. Заметим лишь, что Сельвинский, не страшась упрека в засушивании стиха, исследует в своей эпопее обвалы и нагромождения, творимые революцией. Поэт стремится понять истоки и закономерности краха возглавляемого Улялаевым восстания против советской власти. Он даёт точную характеристику социального состава и целей улялаевского воинства. Это сборище чрезвычайно пёстрое. Но, так сказать, улялаевская гвардия — это „казацья крепость”: „Что ни казак — 50 десятин, Что ни хутор — голов до сотни, До тысячи и до десяти”.

Перипетии судеб героев поэмы, истинная их ценность всецело определяются в „Улялаевщине” развитием вызванных революцией процессов. Как щепку несут события безвольно переходящую из рук в руки Тату, активным участником событий выступает агитатор, а затем комиссар Гай.

Вместе с тем, персонажи „Улялаевщины” обладают резко очерченной индивидуальностью, которая не позволяет им затеряться в густонаселённой поэме. Это относится прежде всего, к самому Улялаеву, беспощадному даже в страсти хищнику. Можно спорить с тем, способны ли герои поэмы претендовать на те роли, которые отводит им автор (например, Сашка Лошадиных,

¹¹ Мирский, Д.: Об Эдуарде Багричком. — „Литературная учеба”, 1934, № 5, стр. 36.

¹² „Жизнь искусства”, 1929, № 46, стр. 5.

„ударник и стихийник, хам и герой”, или рядящийся в анархистские одежды эсер Штейн), но образам этим нельзя отказать в яркой колоритности. Многоплановость поэмы, где искусно перекрещиваются разные сюжетные линии, способствует глубине разработки образов. Последнее достигается совмещением разных выразительных планов.

Критика не раз уже отмечала, что наиболее слабым оказался в поэме образ Гая. По нашему мнению, объясняется это, в частности, тем, что он не самостоятелен по отношению к герою ранней лирики Сельвинского. Достаточно сказать, что одно из лирических стихотворений из сборника „Ранний Сельвинский” почти целиком вошло в „Улялаевщину” и служит здесь характеристике Гая („И вдруг смех, как ядрёный жемчуг, Прыгнул в зубы и в ноздри...”). Не отсюда ли — та инфантильность, склонность к рефлексии, которой наделил большевистского комиссара поэт (Вот его портрет: „Товарищ Гай: небольшой тик справа, точно под скулой кишели муравьи...”).

В „Улялаевщине”, как отмечалось в критике, „показана эпоха, с характерными её чертами и колоритом, её людьми, её героиней”.¹³

Однако, присущая эпосу широта изображения действительности уменьшается в „Улялаевщине”, в значительной степени, благодаря строгому следованию поэта конструктивистским канонам. На их жёсткий каркас натягивается живая ткань стиха, заданность поэтических конструкций бьёт при этом в глаза. В поэме последовательно осуществляется принцип „психологизма, проведённого на натуралистических деталях” (Гай расстреливает за взяточничество губпродкомиссара Кулагина: „Пуля имела медный чекан — И мозг не вытек, а выпер комом”), принцип „документализации”, вплоть до „документации” говоривших, наречий и индивидуальных особенностей языка персонажа („И штарчешки шаря калошей крыло Шам Махорин в шобачьей шубе...”), наконец, обильно используются аттракционы — „внесение приёма, резко отличного по своему эффекту от манеры общего стиля данной вещи” („И тататаканье пулемётататата;”, „Это был — г’руба, барабан! Их последний — да Раба! И реши — жих-жах! Тельный бой нив и шахт!”), обыгрываются вещи („Судорожно свёл никелированную пасть Крокодил из чемодановой кожи”) и т. д.

Всё это не усиливает, как полагал поэт, а рассеивает впечатление, получаемое читателем. Каждый из этих приёмов воспринимается как самоцельный и отнюдь не способствует полноте изображения жизни.

Тем не менее „Улялаевщина”, где значительность проблематики оживлена яркой картинностью повествования, стремление к точности изображения соединяется с тяготением к поэтической условности, а острая сюжетность с философичностью, стала заметным явлением в советской поэзии.

Поиски в области стихотворного эпоса оказались весьма плодотворными как для самого Сельвинского, так и для советской поэзии в целом. Стихотворный роман „Арктика” (1934—1956), драматическая трилогия „Россия” (1941—1957) свидетельствуют о неослабевающем интересе поэта к эпическому размаху в изображении действительности.

¹³ Лежнев, А.: Илья Сельвинский. — в кн.: А. Лежнев. Литературные будни”. М. Изд. „Федерация”, 1929. стр. 306.

РАСКРЫТИЕ ОДНОЙ ЗАГАДКИ

„О неизвестном” источнике стихотворения В. А. Жуковского „К ней”

Дь. Секе

Стихотворение В. А. Жуковского „К ней” — одно из самых суггестивных творений поэта „чувства и сердечного воображения”. Этот эпитет, данный Жуковскому лучшим исследователем его творчества, А. Н. Веселовским, как нельзя лучше передаёт сущность поэзии великого поэта-переводчика.

Это стихотворение законно выделялось всеми исследователями творчества поэта в качестве доказательства интенсивного характера романтической (уже не сентиментальной) лирики Жуковского. Как мы уже отмечали в статье, посвящённой эволюции лирики Жуковского,¹ после „карамзинистского” периода творчества поэта вскоре появляется в качестве ведущего голоса его лирической поэзии стремление к передаче полёта мысли. В этом заключается содержание его образов, какая бы ни была их внешняя оболочка. С этого же момента начинается и романтизм Жуковского: он пишет уже не о том, что чувствует, видит поэт, а как он чувствует.

Стихотворение „К ней” написано Жуковским предположительно в 1811 г. Оно было напечатано впервые в альманахе „Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год Борисом Фёдоровым”. Адресовано оно, по свидетельству А. Н. Веселовского, М. А. Протасовой: „... к Маше, вероятно, обращено стихотворение „К ней”, найденное после её смерти в её портфеле”.² Комментарии изданий сочинений поэта все без исключения считают его вольным переводом немецкой песни, автор которой не установлен. В „Сочинениях” Жуковского под ред. В. П. Петушкова, изданных в 1954 году,³ вовсе не говорится о происхождении этого стихотворения. В издании „Стихотворения и поэмы В. А. Жуковского,” появившемся в малой серии Библиотеки Поэта в 1958 году, под ред. Н. Коварского,⁴ комментарий к данному стихотворению лаконично констатирует: „Вольный перевод немецкой песни, автор которой не установлен.”⁵ Последнее, наиболее полное „Собрание сочинений в четырёх томах” В. А. Жуковского под ред. того же В. П. Петушкова,⁶ изданное в 1959 году, опять-таки комментирует это стихотворение как „... вольный перевод немецкой песни неизвестного автора”.⁷

¹ См. статью: Секе, Дь., Место Жуковского в истории русской поэзии. *Dissertationes Slavicae*, IV., Szeged, 1966. 34-38.

² Веселовский, А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и „сердечного воображения”. Петроград, 1918. стр. 116.

³ Жуковский, В. А.: Сочинения. ГИХЛ. Москва, 1954.

⁴ Жуковский, В. А.: Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Малая серия. СП. Ленинград, 1958.

⁵ Там же, стр. 437.

⁶ Жуковский, В. А.: Собрание сочинений в четырёх томах. ГИХЛ. Москва—Ленинград, 1959.

⁷ Там же, стр. 427.

Кто же этот „неизвестный автор“? Чьё же стихотворение перевёл Жуковский?

В журнале „Göttinger Musenalmanach“ в 1786 году появилось стихотворение молодого тогда ещё поэта Германна Вильгельма Франца Ульцена (Hermann Wilhelm Franz Ültzen) „Ihr“ (Ей). Текст стихотворения даёт полное основание безошибочно считать, что именно оно послужило источником стихотворения Жуковского „К ней“.

Что же нам известно об авторе оригинала? Германн Вильгельм Франц Ульцен родился 29 сентября 1759 года в Целле, умер 5 апреля 1808 года в Ланглингене. Учился он в Геттингене, где и был сотрудником „Göttinger Musenalmanach“. Там и появилось его стихотворение „Ihr“, на слова которого была сочинена песня композитором А. Крецшмером, в то время пользовавшаяся широкой известностью, как и другие песни, созданные на слова Ульцена. Ульцен работал домашним учителем в Бремене и других городах, а впоследствии, с 1789 года — пастором в Ланглингене. Двухтомное издание его стихотворений появилось в 1795 году.⁸

Сразу бросаются в глаза может быть, случайные, но всё-таки разительные совпадения: и Ульцен, и Жуковский работали домашними учителями, и оригинал, и перевод появились в альманахах.

Но главное — сами стихотворения. Ниже приводим текст стихотворения Ульцена с подстрочным его переводом на русский язык, а вслед за ним, для облегчения сравнения, стихотворение Жуковского.⁹

HERMANN WILHELM FRANZ ÜLTZEN

Ihr

Namen nenne dich nicht. Dich bilden
Griffel und Pinsel
Sterblicher Künstler nicht nach.

Lieder singen dich nicht. Sie alle
Reden wie Nachhall
Fernester Zeiten, von dir.

Wie du lebest und bist, so trag ich
Einzig in Herzen,
Teuersten Mädchen, dein Bild.

Wäre Herzens-Empfindung hörbar;
Jeder Gedanke
Würde dann Hymnus von dir.

Lieben kann ich dich nur. Die Lieder,
Wie ich dich liebe,
Spar' ich der Ewigkeit auf.

⁸ Биографические и библиографические данные см.: Deutsches Literatur-Lexikon. Biographisches und bibliographisches Handbuch von W. Kosch. 2. Aufl. Bern, 1958. Band 4. 3073., а также: Pröhle, H., Ueltzen, H.W.F. A.D.B., Band 39., 1895.

⁹ Стихотворение Г. В. Ф. Ульцена публикуем по изданию: Deutsche National-Literatur. Historisch-kritische Ausgabe. Herausgegeben von Joseph Kürschner. Stuttgart. Band 135. Lyriker und Epiker der klassischen Periode. Erster Teil.

(Ей)

Именем не назвать тебя. Изобразить тебя не может ни резец, ни кисть смертного художника.

Песни нет для тебя. Все они, как поздние отзвуки дальних времён, говорят о тебе.

Как ты живёшь и существуешь, так я ношу, дорогая девушка, единственно только твой образ в сердце.

Если бы было слышно то, что чувствует сердце, каждая мысль была бы гимном о тебе.

Я могу лишь любить тебя. Песни, как я тебя люблю, я храню для вечности.)

В. А. ЖУКОВСКИЙ

К ней

Имя где для тебя?
Не сильно смертных искусство
Выразить прелесть твою!

Лиры нет для тебя!
Что песни? Отзвук неверный
Поздней молвы об тебе!

Если б сердце могло быть
Им слышно, каждое чувство
Было бы гимном тебе!

Прелесть жизни твоей,
Сей образ чистый, священный,
В сердце — как тайну ношу.

Я могу лишь любить.
Сказать же, как ты любима,
Может лишь вечность одна.

Стихотворение Жуковского — мы её нарочно не называем переводом, считая его оригинальным переложением — в основном верно передаёт немецкий оригинал, за исключением третьей и четвёртой строфы: их порядок изменён Жуковским. Он создал, по сравнению с оригиналом, более экспрессивное и динамичное стихотворение: оно в то же время и более отвлечённое. О большей экспрессивности свидетельствует и более живая интонация у Жуковского, выраженная обильным использованием различных знаков препинания. Личность самого поэта у Жуковского больше скрывается (в немецком оригинале три раза встречается местоимение первого лица единственного числа, у Жуковского — только один раз, в самом конце стихотворения), зато резко усиливается столь характерный для Жуковского мотив „невыразимого”.

Всё это — только первые поверхностные впечатления, вызванные сравнением этих двух стихотворений. В рамках настоящей статьи мы не намерены более подробно заниматься нередкость поучительным и интересным сопоставительным стилистическим анализом стихотворений: он должен составить тему другой, более обширной статьи, которую мы собираемся в ближайшем будущем опубликовать.

Итак, найдена „неизвестная” немецкая песня, послужившая источником стихотворения Жуковского „К ней”, брошен свет на личность её „неизвестного автора”. Одной загадкой меньше в творчестве Жуковского, и лишний раз подтверждались слова самого поэта: „Переводчик в стихах — соперник”.

„МОТИВЫ” И ИХ ФУНКЦИЯ В КОМПОЗИЦИИ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО „АННА КАРЕНИНА”

М. Хармат

Композиция романа Л. Н. Толстого „Анна Каренина” сразу после появления произведения вызывала различные толкования. „Автор, — пишет в своей статье А. Станкевич, обещал нам в своём произведении „Анна Каренина” один роман, а дал — два. Параллельно с романом, героиней которого является Анна Каренина, развивается . . . совсем другой роман, героем которого остаётся Константин Левин”.¹ По мнению Станкевича, роман характеризует разнообразные сцены и картины жизни, подобранные и соединённые автором механически, без всякой внутренней связи. . .”² „В так называемом романе „Константин Левин” нет никакого развивающегося события, происшествия. Автор представляет в нём только ряд сцен, из которых весьма немногие имеют отношение к лицу Левина. . . Следуя такому способу творчества, автор мог бы значительно увеличить своё произведение ещё длинным рядом ничем не связанных между собою сцен, но из этого всё же не вышло бы романа, как не вышло его и из изложения чувств, представлений и уединённых бесед Левина с самим собою. Если нет события, . . . то нет и романа”.³

Основная ошибка концепции А. Станкевича и его последователей заключается в том, что они не делают различия между фабулой и сюжетом произведения.

Фабула — это внешняя группировка лиц и последовательность, цепь внешних событий, а сюжет представляет собой внутреннее содержание произведения, внутреннюю связь конфликтов. „Сюжет является художественным субстратом фабулы, внутренней основой событий и положений”.⁴

Когда С. А. Рачинский упрекал Л. Н. Толстого в отсутствии творческой концепции; в том, что в романе „Анна Каренина” „нет архитектуры”, что „в нём развиваются рядом. . . две темы, ничем не связанные”⁵, Толстой — в своём ответе ему — подчёркивает важную роль „сводов”, связывающих две линии содержания. Но „связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве) лиц, — писал Л. Н. Толстой, — а на внутренней связи. . . Но боюсь, что пробежав роман, вы не заметили его внутреннего содержания”.⁶

¹ Станкевич, А. В.: Каренина и Левин. Литературно-критические очерки. „Вестник Европы”, 1878, № 4, стр. 785.

² Там же, № 5, стр. 187.

³ Там же, № 5, стр. 187—188.

⁴ Бабаев, Э. Г.: Роман Л. Толстого „Анна Каренина”, Тула, 1968, стр. 25—26.

⁵ Письма Толстого и к Толстому. М., 1928. стр. 223—224.

⁶ Толстой, Л. Н.: Полное собрание сочинений, М., 1928—1958, т. 62, стр. 377.

Многие литературоведы пытались выяснить проблематику внутреннего единства романа „Анна Каренина”. Однако в большинстве случаев авторы той или другой концепции вполне убедительно обосновывают своё понимание идейного центра романа, объединяющего в одно целое разные сюжетные линии, но не дают ответа на вопрос, как выражается это единство композиции, благодаря применению каких художественных приёмов, средств (сознательных или бессознательных) композиция романа воспринимается как одно целое.

С этой точки зрения исключение составляет монография Э. Г. Бабаева „Роман Л. Толстого „Анна Каренина” (Тула, 1968)”. Автор делает интересную попытку найти „незримый замок сводов” в композиции романа Толстого. К сожалению, в рамках этой статьи невозможно дать подробный анализ концепции Э. Г. Бабаева и указать на ряд спорных, с нашей точки зрения, некоторых его положений.

При разборе композиции романа „Анна Каренина” мы предлагаем пользоваться некоторыми терминами, заимствованными из музыковедения.

Музыкальность в литературных произведениях может быть результатом сознательного стремления автора. Об этом свидетельствуют, например, многочисленные высказывания Томаса Манна о своём творческом методе; о сознательном применении вагнеровских „лейтмотивов” и других музыкальных форм в построении своих произведений.

Анализируя же роман Л. Толстого, однако, нельзя говорить о сознательном стремлении подобного рода. По мнению Толстого, изложенному во многих его художественных и теоретических произведениях, музыка, оказывая на людей большое чувственное влияние, портит их нервную систему, вредит их морали. Что касается Вагнера и его лейтмотивов, Толстой пользовался каждым случаем, чтобы отозваться о них с пренебрежением. Таким образом, построение романа „Анна Каренина” на музыкальных основах, конечно, не носит сознательного характера. Однако, вследствие общих тенденций, проявляющихся и в литературе и в музыке, некоторые слова и выражения, возвращающиеся на всем протяжении романа, воспринимаются нами как „мотивы”.

По мнению немецкого литературоведа О. Вальцеля,⁷ так называемые литературные лейтмотивы выполняют важную функцию, так как, повторяясь, они напоминают уже происшедшие события произведения. Таким образом, они обращают внимание читателей на связи, на соотношения, едва ли уловимые без их помощи, касающиеся больше эмоциональной, чем рациональной стороны жизни.

Анализируя произведение Толстого, очень важно, однако, заметить, что функция повторяющихся мотивов заключается не только в том, что они напоминают предыдущие моменты, но скорее в том, что они указывают на будущие моменты, заставляя читателей как бы предугадывать исход событий и обращая их внимание на самые важные ступени развития психических процессов.

О. Вальцель различает три группы литературных лейтмотивов:

1. лейтмотивы, по сущности своей очень похожие на постоянные эпитеты (epitheton ornans) и не вплетающиеся органически в ход рассказа;

⁷ Walzel O. *Gehalt und Gestalt im Kunstwerk des Dichters*, Leipzig, 1929. S. 358.

2. лейтмотивы с символическим значением;

3. и так называемые тектонические лейтмотивы, звучащие уже в начале произведения, и своим возвращением связывающие важные пункты композиции.⁸

Разного типа мотивы выступают и в романе „Анна Каренина”. Однако, отличаются они друг от друга не тем, что одни являются органической частью композиции, а другие носят просто функцию „украшения”. „Толстовская простота” не терпит лишних украшающих элементов. В композиции романа Толстого нет ни одного момента без определённой целевой нагрузки: даже самые ничтожные изменения в мимике персонажей имеют определённую функцию.

Мотивы *'глаза'* и *'улыбка'* проходят через всю композицию романа. Они присутствуют почти всегда, сопровождая и характеризую действия и слова героев, различные события и ситуации. Они способствуют пониманию внутренних событий, происходящих под оболочкой внешних связей. Для Толстого важнее всего не слова героев, а взгляды и улыбки, сопровождающие эти слова. В качестве доказательства можно привести целый ряд примеров:

Вронский и Анна разговаривают. „Анна не могла не ответить улыбкой — не словам, а влюблённым глазам его” (Часть V, глава 23). „Я прошу не ездить, умоляю вас, — сказал Вронский. . . с нежною мольбой в голосе, но с холодностью во взгляде. Она не слышала слов, но видела холодность взгляда” (Часть V, глава 32).

В первой части романа все жесты Анны сопровождаются мотивом „блестящие глаза”, выражающие то радость, то печаль, то удивление: всегда какие-то эмоции. В дальнейшем, примерно с середины романа, атрибут „блестящие” встречается реже, а если и употребляется, то этот „блеск” получает уже новый оттенок странности, необыкновенности:

„. . . в ней (т. е. в Анне) происходило что-то особенное: в *блестящих глазах*. . . было напряжённое внимание” (Часть V, глава 32). „. . . *воспалённое её лицо со странно блестящими глазами*” (Часть VII, глава 27).

После свидания с сыном даётся новое определение глазам Анны: „неподвижные глаза”.

„Уставившись *неподвижными глазами* на бронзовые часы. . ., она стала думать.” (Часть V, глава 31).

Впоследствии, когда Анна делает всё возможное, чтобы забыть о неразрешимых проблемах своей жизни, у неё появляется новая привычка: она шурится.

„Анна *шурилась*, именно когда дело касалось задушевных сторон жизни. Точно она на свою жизнь шурится, чтобы не всё видеть” — подумала Долли” (Часть VI, глава 21).

В первой части романа все жесты Анны и Вронского сопровождаются мотивом *'улыбка'*:

„и опять *улыбка* осветила её лицо, *улыбка* ласковая, относившаяся к нему”; „и с тою же *улыбкой*. . . подала руку Вронскому”; „Он провожал её глазами. . . и *улыбка* остановилась на его лице”).

Позже, по мере того, как развиваются их отношения, мотив *'улыбка'* постепенно исчезает и заменяется мотивами *'ужас'*, *'ненависть'*, *'жестокость'*:

⁸ Там же. S. 359.

„Что вы хотите этим сказать? вскрикнула Анна, с ужасом вглядываясь в явное выражение ненависти. . .” (Часть VII, глава 24).

Мотивами *'улыбка'* и *'глаза'* характеризуются и другие герои романа. Эти мотивы сопровождают и раскрывают психические процессы, „диалектику души”. Кити характеризуется „светлыми правдивыми глазами”; у Левина „добрые глаза”; брат Левина, Николай ждёт смерти „с испуганными глазами”; когда Долли говорит о муже или с мужем, „привычная насмешливая улыбка морщит концы губ её”. „Самодовольная улыбка” освещает маскообразное лицо Каренина.

Другой характер носят близкие к символам мотивы, (но всё-таки не символы!), указывающие, благодаря ассоциативной силе слов, на трагический конец Анны.

Уже в первой части романа появляются мотивы *'железная дорога'* и *'мужик'*, сочетающиеся с мотивами *'всё смешалось'* и *'смерть'*.

В I-ой главе первой части „всё смешалось в доме Облонских”. Анна приезжает в Москву, чтобы восстановить мир в доме брата. С неприятным грохотом приближается и прибывает поезд. „Слышался свист паровика на дальних рельсах и передвижение чего-то тяжёлого”. „Платформа задрожала” и где-то в поезде завизжала собака. Пассажиры выходят друг за другом из поезда, среди них и „мужик с мешком через плечо” (Часть I, глава 17). Через несколько минут другой мужик будет раздавлен колёсами поезда.

Когда Анна едет обратно из Москвы в Петербург в состоянии *'всё смешалось'*, снова появляется мотив *'мужик'*. Мужик входит в купе Анны и в течение долгих минут хлопочет в купе вблизи Анны. „Потом что-то страшно закрипело и застучало, как будто раздирали кого-то”. Поезд останавливается, Анна выходит из вагона подышать чистым воздухом. „Страшная буря рвалась и свистела между колёсами вагонов”. Внезапно „согнутая тень человека проскользнула под её ногами, и послышались звуки молотка по железу”. В тот же момент Анна замечает приближающегося к ней Вронского. (Часть I, главы 29—30).

„*Мужичок с молотком*” становится постоянной фигурой сновидений Анны, и однажды даже он приснился также и Вронскому. Появление его вызывает у обоих страх смерти, и они просыпаются в холодном поту от ужаса.

В последней главе VII-ой части все четыре мотива (*'железная дорога'*, *'смерть'*, *'мужик'* и *'всё смешалось'*) появляются снова. Они звучат вместе с огромной силой, — и вдруг всё затихает: Анна умерла.

Но жизнь идёт дальше: роман Толстого продолжается и после смерти Анны. В последней части знакомые мотивы возвращаются ещё раз, правда, звучат гораздо слабее и бледнее.

Приведённые мотивы вместе с теми, которые не могли быть проанализированы в рамках данной статьи, пронизывают всю композицию романа. Они сопровождают обе линии сюжета, и способствуют восприятию основной темы произведения.

Как в полифонических музыкальных произведениях два (или больше) самостоятельных голоса вместе выражают одну тему, так и в романе Толстого звучат рядом не две темы, а — говоря символически — два голоса, выражающие одну общую тему. Голоса „Анна—Вронский” и „Кити—Левин” то приближаются друг к другу, но иногда звучат параллельно, как бы в унисон.

Голос „Анна—Вронский” начинается как бы с апофеоза. Любовь Анны и Вронского находит своё полное отражение в поэтично-прекрасной игре блестящих взглядов и улыбок. Но параллельно с мотивами 'глаза' и 'улыбка' сразу выступают и трагические мотивы страдания и смерти.

Другой же „голос” (Кити—Левин), напротив, начинается с низких тонов: Левин объясняется в любви Кити, он делает ей предложение, но Кити отказывает ему. Здесь уже чувствуется сила, как бы „поднимающая” весь этот „голос”: чувствуется, что их пути не разошлись окончательно. „У неё не было сомнения, что она поступила как следовало. Но в постели она долго не могла заснуть. Одно впечатление неотступно преследовало её. Это было лицо Левина с насупленными бровями и мрачно-уныло смотрящими из-под них добрыми глазами... Жалко, жалко, но что же делать? Я не виновата — говорила она себе; но внутренний голос говорил ей другое” (Часть I, глава 15).

Таким образом, движение обеих линий начинается с противоположных точек, затем они идут параллельно: и Анна и Левин возвращаются домой и ищут забвения в мелких делах обычной своей жизни. Вронский продолжает жить шумной жизнью петербургской золотой молодёжи, а Кити ухаживает за больными на заграничном курорте. Но самообман скоро прекращается естественным ходом жизни. Линия „Анна—Вронский” снова повышается и достигает кульминационного пункта. Но сбывшаяся любовь не приносит им счастья. Сразу же выступают мотивы, уводящие этот „голос” вниз: Анне снится „испачканный уродливый мужичок с молотком” (Часть II, глава 11), который и становится повторяющейся фигурой её страшных сновидений.

Линия „Кити—Левин” снова понижается до исходной точки. Левин прерывает все отношения с Щербацкими. Он находится в состоянии полного разочарования, думает о смерти и, наконец, уезжает за границу. Но в их отношениях происходит резкий поворот: Кити отвечает на любовь Левина. С тех пор эта линия романа (свадьба, рождение первого ребёнка, счастливая семейная жизнь), несмотря на некоторые маленькие отступления, постоянно повышается.

В то же время в голосе „Анна—Вронский” наблюдается движение противоположного направления. Несмотря на незначительные повышения, начиная со дня скачек, их линия постоянно понижается и кончается трагической гибелью Анны.

Повышение же голоса „Кити—Левин” не так однозначно. Хотя страшные сомнения Левина утихают, и они находят ответ на свои вопросы в идеях христианской любви (именно это оказывается кульминационным пунктом идейного развития произведения — с точки зрения Толстого-мыслителя), благодаря некоторому преобладанию идейных элементов над художественными в конце романа, примирение Левина с миром и с самим собой не достигает той степени глубины воздействия, какой достигает смерть Анны.

„Нужны люди, — писал Толстой, — которые... руководили бы читателем в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства и по тем законам, которые служат основанием этих сцеплений”⁹. Наша статья является только одной из многочисленных попыток проникнуть в „бесконечный лабиринт” мастерства Л. Н. Толстого.

⁹ Толстой, Л. Н.: Полное собрание сочинений, М. 1928—1958, т. 62, стр. 269.

МЕТОДЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ОТГРАНИЧЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ ОТ НАРЕЧИЙ

Э. Саламин

Модальность — как известно — является категорией отношения, она выражает отражающееся в речи отношение говорящего субъекта к действительности.¹

Существующие расхождения по вопросу о языковой модальности определяются тем, как авторы понимают это отношение. Венгерский лингвист И. Х. Молнар отделяет друг от друга две разновидности категории модальности, основную и дополнительную модальность. И. Х. Молнар считает, что формой выражения основной модальности являются морфологические типы предложения, а дополнительную модальность выражают — в большинстве случаев — своеобразные языковые элементы, модальные слова и сочетания слов.²

В советском языкознании принято говорить о модальных словах как об остатках вводных предложений. Акад. В. В. Виноградов пишет следующее: „Многие из модальных слов, действительно, произошли из вставных предложений. . . Но многие из модальных слов и частиц возникли и другим путём, напр. из наречий. Чем бы они раньше ни были, в современном языке они образуют одну грамматическую категорию”.³

На наш взгляд самое большое значение имеет это последнее предложение цитаты. В настоящей работе делается попытка доказать, что модальные слова по функции представляют отдельную грамматическую категорию и более или менее чётко могут быть отграничены от наречий.

Однако это разграничение затрудняется тем, что модальные слова являются очень разнообразными, „пёстрыми” по происхождению.

Они не имеют единой, специфической системы лексических и грамматических признаков, с помощью которой они могли бы быть выделены в отдельную часть речи. „Пестрота” состава модальных слов является причиной того, что границы их как постепенно выделяющейся части речи, можно установить только комплексным анализом, разнообразными методами языкового исследования.

Для отграничения модальных слов от наречий мы предлагаем следующие методы функционального анализа:

А) Методы функционального анализа, охватывающие всю структуру предложения:

¹ Виноградов, В. В.: Русский язык. М. 1947. стр. 725.

² H. Molnár Ilona: A nyelvi modalitás kérdéséhez. Ált. Nyelv. Tanulmányok III. 1965. 145—155. l.

³ Виноградов, В. В.: Там же, стр. 730.

I. Выражение модального слова редуцированным предложением.

II. Замена простого предложения (с модальным словом) сложноподчиненным предложением.

III. Анализ сложноподчиненных предложений, развертывающих модальное слово, с точки зрения связи между временем глагольного сказуемого главного и придаточного предложений.

IV. Замена логически ударяемых членов (обстоятельств) предложения главным предложением.

Б) Методы функционального анализа, не охватывающие всю структуру предложения:

I. Анализ возможностей образования степеней сравнения модальных слов.

II. Анализ возможностей расширения модальных слов.

В) Анализ возможности постановки вопроса к модальным словам.

А/І. Основным признаком модальных слов, позволяющим говорить о них как о самостоятельной части речи, можно считать их функцию в предложении.

По функции модальное слово является своеобразным редуцированным предложением, выражающим субъективное отношение говорящего к высказыванию предложения.⁴

Если редуцированное предложение грамматически развернуть, в нем появляется модальное подлежащее, указывающее на говорящего (говорящих).

Если произвести замену модального слова данного предложения S , выполняющего функцию редуцированного предложения грамматически „полным” предложением, то появляется форма S' предложения S .

Рассмотрим пример. Предложение S : „Действительно, вдали уже свистел паровоз”. Речевая ситуация, в которой это предложение было произнесено, следующая: На вокзале, ожидая петербургского поезда, разговаривают Вронский и Облонский.⁵ Вронский говорил о Левине, он кончает разговор словами: „Однако вот и поезд.” В новом абзаце следует авторская речь: „Действительно, вдали уже свистел паровоз.” Возможные формы предложения S : S' , S'' . S' : Вдали уже свистел паровоз — это соответствует действительности. S'' : Соответствует действительности, что вдали уже свистел паровоз. Уже с первого взгляда можно заметить, что по сравнению с исходным предложением S , формы S' , S'' „неполные”, обедненные. Они „не полны” в том отношении, что в них нет модального подлежащего, указывающего на говорящего субъекта. Дополненная этим подлежащим форма становится „полной”. (Модальное подлежащее в данном случае: я):

S''' : Я согласен с тем, что вдали уже свистел паровоз.

S'''' : Я убежден в том, что вдали уже свистел паровоз.

S'''''' : Я не сомневаюсь в том, что вдали уже свистел паровоз.

⋮

S^n

⁴ Там же.

⁵ Толстой, Л. Н.: Анна Каренина ч. I. глава XVII.

На основе вышеприведенного примера может быть доказана наша точка зрения: модальное слово по функции является своеобразным редуцированным предложением, выражающим субъективное отношение говорящего к высказыванию. В грамматически полной форме редуцированного предложения модальное подлежащее = говорящему субъекту.

Это утверждение правильно и по отношению к другим группам модальных слов. Нами были рассмотрены не только отнаречные модальные слова, но и модальные слова, представляющие собой именительный падеж имени существительного, модальные слова глагольного типа и модальные частицы.

Замена отнаречных модальных слов:

1. *Конечно, она виновата.*

а) *Она виновата, — это и по-моему само собой разумеется.*

б) *И по-моему само собой разумеется, что она виновата.*

в) *Я согласен с тем, что она виновата.*

г) *Она виновата — иначе и по-моему быть не может.*

д) *Она по-моему, виновата, как ей не быть виноватой.*

Так же можно произвести замену модальных слов и сочетаний слов: *безусловно, несомненно, наверно, вероятно, по всей вероятности, видно, очевидно, явно* и т. д.

Замена модальных слов, представляющих собой именительный падеж имени существительного:

2. *Правда, хорошо, что она пришла.*

а) *Я признаю хорошим (тот факт), что она пришла.*

б) *Я согласен с тем, что хорошо, что она пришла.*

Так же заменимо модальное слово: *право*.

Замена модальных слов глагольного типа:

3. *Отец, может быть, приехал.*

а) *Я считаю возможным, что отец приехал.*

б) *Я не вполне убежден в том, что отец приехал.*⁶

Замена модальных частиц:

4. *Едва ли (вряд ли) это тебе удастся.*

а) *Я не очень верю, что это тебе удастся.*

б) *Я плохо верю в то, что это тебе удастся.*

в) *Мне не верится, что это тебе удастся.*

г) *По-моему маловероятно, что это тебе удастся.*

В вышеприведенных примерах дополнение предложений модальным подлежащим является органичным, предложения а, б, в и т. д. по содержанию не являются богаче предложений № 1, 2, 3, 4. В предложениях а, б, и т. д. выражаются только те оттенки лексического значения, которые даны — в другой грамматической форме — в исходных предложениях № 1, 2, 3, 4.

Подобно этим модальным словам, выражающим оценку степени достоверности сообщаемого факта, заменимы модальные слова, выражающие эмоциональную оценку того, о чем говорится в предложении: *к общему удивлению, к сожалению, к счастью, к несчастью, слава богу* и т. д., модальные

⁶ Так же заменимо модальное слово *должно быть*.

слова, указывающие на источник сообщения: *по-моему, по-вашему* и т. д. Напр.: *К счастью он пришел — Я считаю счастьем, что он пришел. По-моему хорошо, что он пришел. Я считаю удачным его приход.*

По-моему он умен. — Я считаю его умным. Я думаю, что он умный. Мне думается, что он умный. Я убежден в том, что он умный. Я не сомневаюсь в том, что он умный.

Говоря о функции модальных слов как о редуцированных предложениях, необходимо заметить следующее. С одной стороны: в большинстве случаев характер редуцированного предложения отражается только в функции модального слова, только в меньшей части случаев можно формально указать на процесс превращения предложения в модальное слово, напр. чаю (предполагаю) → чай.

С другой стороны: под характером редуцированного предложения понимается, что в простом предложении, содержащем в себе модальное слово, имеются — логически, а не структурно — две предикации (два предикативных отношения).

Первая из двух предикаций — это „главная” предикация, вторая — это „второстепенная” („модальная”) предикация. „Главная” предикация представляет собой высказывание, она отражает кусочек действительности, „второстепенная” же предикация выражает субъективное отношение говорящего к высказыванию.

Эти термины „главная”, „второстепенная” никак не относятся к структурному разложению предложения. Наоборот: „второстепенная” предикация имеется в главном (по структуре) предложении сложноподчиненного предложения.⁷ „Главная” же предикация имеется в придаточном (по структуре) предложении сложноподчиненного предложения. Приведем пример. *Он, безусловно, был прав. — Я убежден в том, что он был прав. Безусловно, что он был прав.*

„Главная” предикация: *он был прав.* Она находится в придаточном предложении сложноподчиненного предложения. „Второстепенная” предикация: *я убежден в том.* Она находится в главном предложении сложноподчиненного предложения. Все это следует иметь в виду, говоря о модальном слове как о редуцированном предложении.

Модальные слова, благодаря своему своеобразному характеру, т. е. характеру редуцированного предложения, играют в предложении своеобразную роль. Они не являются членами предложения, в большинстве случаев они относятся ко всему предложению в целом. В отличие от членов предложения они являются довольно самостоятельными, связываясь с предложением не синтаксически, а семантически.

А/II. Если одни из членов простого предложения разворачиваем в придаточное предложение, т. е. простое предложение заменяем сложноподчиненным, данный член — как известно — находится в придаточном предложении.

Это демонстрируется на примерах обстоятельств причины, места действия, времени действия:

1. *Он отсутствует по болезни* — обстоятельство причины;
- 1'. *Он отсутствует потому, что он заболел (болен)* — сложноподчиненное предложение с придаточным причины;

⁷ См. вышеприведенные замены на страницах 20—22.

2. *Наш город расположен у слияния двух рек* — обст. места;
- 2'. *Наш город расположен (там), где сливаются две реки* — сложноподчиненное предложение с придаточным места;
3. *По возвращении на родину ты поступил в университет?* — обстоятельство времени;
- 3'. *Когда ты возвратился на родину, (тогда) ты поступил в университет?* — сложноподчиненное предложение с придаточным времени.

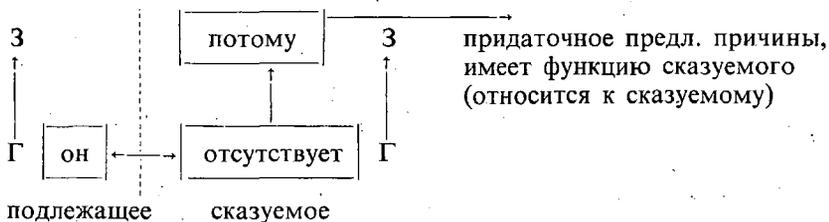
Все обстоятельства вышеприведенных предложений являются зависимыми словами словосочетаний, главным словом которых является сказуемое предложения, они относятся к составу сказуемого, одним словом, они являются членами предложения. Синтаксическую функцию их демонстрирует следующий анализ:

(Г = главное слово, З = зависимое слово)

1. *Он отсутствует по болезни.*

- 1'. *Он отсутствует потому, что он заболел (болен).*

Рассмотрим с этой точки зрения следующую пару предложений:

1. *Он верно говорит по-русски.*
2. *Он, верно, говорит по-русски.*

Слово *верно* в данном случае (2) не составляет словосочетания, не является членом предложения. Оно является не наречием, а модальным словом.

Конечно, простое предложение с модальным словом тоже может быть заменимо сложноподчиненным предложением — как на это было уже указано — в большинстве случаев в сложноподчиненное предложение с придаточным подлежащим или с дополнением с союзом „что”. В этих предложениях модальное слово (редуцированное предложение) является главным предложением, подлежащее которого указывает на говорящего (говорящих). Замена только такого типа ограничивает модальное слово от обстоятельств (наречий), выступающих в роли членов предложения в одном отношении.

В дальнейшем мы хотим оправдать это ограничение и в других отношениях.

А/III. То, что модальное слово не является членом предложения, подтверждается и тем фактом, что в сложноподчиненных предложениях, развертывающих модальное слово, связь между временем глагольного сказуемого главного и придаточного предложений является слабой.

В сложноподчиненных предложениях, развертывающих обстоятельства (члены предложения), связь между временем глагольного сказуемого главного и придаточного предложений является тесной.

В следующем сложноподчиненном предложении с придаточным образа действия будут рассмотрены все возможные случаи временной связи между сказуемыми главного и придаточного предложений:

1. а) *Все происходит так, как я предполагал.*
б) *Все произошло так, как я предполагал.*
в) *Все произойдет так, как я предполагал.*
2. а) *Все происходит так, как я предполагаю.*
Ø б) *Все произошло так, как я предполагаю.* Ø
в) *Все произойдет так, как я предполагаю.*
3. Ø а) *Все происходит так, как я предположу.* Ø
Ø б) *Все произошло так, как я предположу.* Ø
Ø в) *Все произойдет так, как я предположу.* Ø

Для нас наибольший интерес представляет невозможный случай 3/а) в котором глагольное сказуемое главного предложения стоит в настоящем времени. Среди сложноподчиненных предложений, развертывающих модальное слово, нет такого невозможного случая. Глагольное сказуемое главного предложения всегда может стоять в настоящем времени, независимо от времени глагольного сказуемого придаточного предложения. Это проявление самостоятельности тоже указывает на то, что модальное слово является неорганичным элементом в предложении, не является членом предложения. Напр.:

*Конечно, она виновата. Я согласен с тем, что она виновата. Я согласен с тем, что она была виновата. Я согласен с тем, что она будет виновата.*⁸

А/IV. Логически ударяемыми могут быть только члены предложения. Если модальные слова действительно не являются членами предложения, то их нельзя переделать в следующем плане.⁹

⁸ См. примеры на страницах 20—22.

⁹ Этот метод замены взят у И. Х. Молнар.

(Обстоятельства в следующих предложениях являются логически ударяемыми).

Он отсутствует по болезни [(Та) причина, по которой он отсутствует есть болезнь]

Он говорит громко [(Тот) тон, которым он говорит, есть громкий¹⁰].

Эта разновидность замены характерна для логически ударяемых обстоятельств (членов предложения).

Простые предложения с модальным словом нельзя переделать таким образом. Они переделываются в сложноподчиненное предложение с придаточным подлежащим или с дополнением — как об этом уже говорилось. Напр.: *Он, верно, врал. Верно, что он врал. Он, безусловно, знает его. Безусловно, что он знает его.*

Этот факт — по всей вероятности — объясняется тем, что модальное слово не является членом предложения.

Конечно, нельзя абсолютизировать этот факт. Нельзя рассматривать его изолированно, независимо от других языковых фактов, тем более, что имеется группа наречий (обстоятельств), которая при этом виде замены не обнаруживает признаки наречий (членов предложения), а обнаруживает признаки модальных слов. Напр.: *Случайно он об этом забыл. Случайно было, что он об этом забыл. Он определенно меня попросил об этом. Определенно было, что он меня попросил об этом.*¹¹

Собранный нами материал показывает, что модальные частицы не заменимы таким образом: *Я, пожалуй, прочту эту книгу* → ∅ *Пожалуй, что...* *Я едва ли прочту эту книгу* → ∅ *Едва ли, что...* Этот факт объясняется, вероятно, тем, что модальные частицы тоже не входят в состав словосочетаний.

Как видно, группа модальных слов очень разнообразна. Очень трудно, почти невозможно сделать общие заключения.

Логически ударяемое наречие (обстоятельство) заменимо и другой грамматической формой. Напр.: *Она спокойно спит* (обстоятельство образа действия). *Она спит, да еще спокойно. Она спит и к тому же спокойно. Она скоро придет. Она придет, да еще скоро. Она придет и к тому же скоро* (обстоятельство времени действия).

Модальные слова таким образом не заменимы, потому что они не могут быть логически ударяемыми, не могут быть членами предложения.

Она, вероятно, заснула → ∅ *Она заснула, да еще вероятно. Ребенок, действительно, заплакал* → ∅ *Ребенок заплакал, да еще действительно.*

До сих пор при отграничении модальных слов от наречий (членов предложения) нами совершались грамматические замены, охватывающие всю структуру предложения.

Ниже рассмотрим методы, не охватывающие всю структуру предложения.

Б/Г. Посмотрим, может ли быть произведено образование степеней сравнения от модальных слов наречного типа при каких условиях оно производимо, оправдывается ли отграничение модальных слов от наречий.

¹⁰ В данном случае развернутые члены предложения могут служить только пояснением, не являются реальными языковыми единицами. Они даются в тексте в квадратных скобках.

¹¹ Объем статьи не позволяет подробно рассматривать эту своеобразную группу наречий.

Как известно, степени сравнения имеют лишь наречия, образованные от качественных прилагательных. Мы поставили перед собой задачу установить, имеют ли степени сравнения модальные слова, образованные от качественных прилагательных и оформленные по типу наречий на *-о*.

Часть модальных слов имеет степени сравнения, следует, однако, отметить формы степени сравнения модальных слов в современном русском языке употребляются довольно редко.

Из модальных слов *действительно, конечно, несомненно, безусловно, верно, вероятно, возможно, явно, видимо, видно*, только модальные слова *верно*, и *вероятно* могут иметь сравнительную и превосходную степени.

Напр.: *Он, вернее всего, в аудитории. Я не могу найти книгу, вероятнее всего ее потеряла. Он будет в пятницу или в субботу, вероятнее, в субботу.*

Форма сравнительной степени *виднее* вместе с личными местоимениями составляет устойчивое сочетание, выполняющее функцию сказуемого.

Я думаю так, но тебе виднее. Я не знаю, ему виднее. Это твоё мнение, а мне виднее.

Форма же сравнительной степени *вернее* показывает изменение значения по сравнению с формой положительной степени. Ср., напр. — 1. *Он, верно, решил задачу.* 2. *Я, вернее, мы, решили задачу.* 3. *∅ Он, вернее, решил задачу.*

Предложение № 3 не является реальной языковой формой именно потому, что употребленное в нем модальное слово *вернее* не является формой сравнительной степени модального слова *верно* предложения № 1. Модальное слово *верно* в предложении № 1 выражает оценку степени достоверности сообщения говорящего, а модальное слово *вернее* в предложении № 2 характеризует отношение к способам выражения мысли.

Предложение № 1 с логической точки зрения заменимо следующими предложениями: *Он, вероятно, решил задачу. Он, по всей вероятности, решил задачу.* Предложение № 2 заменимо следующим предложением. *Я, лучше сказать мы, решили задачу. Я, точнее (сказать) мы, решили задачу.*

Форма сравнительной степени наречия *верно* не показывает подобного этому изменения значения. Напр.: *Он верно решил задачу. Она вернее решила задачу.*

Можно сказать, что возможные формы превосходной степени модальных слов употребляются относительно чаще, чем формы сравнительной степени. Это объясняется, вероятно, тем, что в определенном отношении форма превосходной степени — как это ни парадоксально — по значению ближе к положительной степени, чем сравнительная степень. В превосходной степени чаще, чем в сравнительной, доминирует не сравнение, а интенсивность проявления признака, выраженного в положительной степени.

Как известно, сравнительная степень наречия может иметь приставку *по-*: *пораньше, потише* и т. д. Приставка *по-* ослабляет (или усиливает) степень качества.¹² *Завтра он встанет пораньше = Завтра он встанет немного раньше, или Завтра он встанет как можно раньше.*

Сравнительная степень модального слова не может иметь приставку *по-*: *∅ повиднее, ∅ повероятнее* и т. д.

¹² Юхас, Й.: Атрибутивные конструкции с простой формой сравнительной степени прилагательных в роли определения St Sl III. (1957) 1—4.

Сущность вышесказанного об образовании степеней сравнения модальных слов может быть сведена к следующему: факт возможности образования степеней сравнения модальных слов является признаком, сближающим их с наречиями. Рассмотрев возможности образования степеней сравнения модальных слов, можно сделать вывод, что их система образования степеней сравнения неполна. Этот факт — на наш взгляд — указывает на постепенный отрыв модальных слов от наречий.

Б/П. Анализ возможностей расширения модальных слов также отражает определенную форму отграничения их от наречий. Наречия образа действия на -о чаще всего связываются с наречиями меры и степени (очень, немного, совсем, почти, достаточно, гораздо и т. д.) — за исключением наречий *много, мало*.

Модальные же слова с наречиями меры и степени не связаны. Из модальных слов *действительно, конечно, несомненно, безусловно, наверно, верно, вероятно, возможно, видно, явно, видимо* только модальные слова *вероятно и возможно* могут быть расширены, связаны с наречиями меры и степени.¹³

И при модальных словах не наречного происхождения — теоретически — тоже имеется возможность расширения, но эти формы не очень употребительны в речи, за исключением: *очень может быть*. Напр.: *Очень может быть, тебе это покажется напрасным*. Суммарно можно сказать, что положение в связи с расширением модальных слов такое же, как положение с образованием форм степеней сравнения. По сравнению с наречиями модальные слова имеют более узкий круг возможностей расширения.

В) Другой путь отграничения модальных слов от наречий открывается через тот факт, что к модальным словам нельзя поставить соответствующих вопросов.

Если бы группа модальных слов полностью была тождественна группе наречий, то она обладала бы запасом вопросительных слов наречий. Отсутствие возможности ставить вопросы к модальным словам является косвенным свидетельством самостоятельности модальных слов, отграничения их от наречий.

На основе всего сказанного о модальных словах мы можем объяснить отсутствие возможности постановки к ним вопросов: модальное слово связывается с предложением не синтаксически, а семантически, оно не является членом предложения. По функции это своеобразное редуцированное предложение, выражающее субъективное отношение говорящего к высказыванию предложения.

¹³ Напр.: *очень (почти вероятно, очень возможно)*. В разговорной речи не употребляются даже теоретически возможные формы.

**ПРЕДЛОЖНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ,
ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРИЧИННЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЧАСТНЫХ ПИСЬМАХ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII ВЕКА¹**

И. Феринц

В исследуемых письмах нами отмечены следующие предложные сочетания, служащие для выражения причинных отношений: *в + пред. п., для, для ради + + род. п., за + вин. п., за + твор. п., из, из-за + род. п., о + пред. п., от + род. п., по + дат. п., против + род. п., ради + род. п., с + род. п.*

При первом взгляде на перечисленные сочетания бросается в глаза отсутствие конструкций с производными предлогами. Этому не следует удивляться, если учесть результаты исследований, посвященных возникновению и распространению производных предлогов, ибо — как пишет А. М. Финкель — „возникновение причинных производных предлогов относится, как правило, к XVIII веку”.² Из сказанного следует, что причинные отношения до этого выражались неспециализированными причинными предлогами. Для каждого из указанных предлогов выражение причинных отношений являлось только одной из функций.

В данной статье делается попытка описать особенности замеченных предложных словосочетаний, их соотношение, а также выявить тенденции их дальнейшего развития.

Конструкции с предложным п. и предлогом *в*

Побудительную причину могут выражать — по данным писем — конструкции *в + пред. п.*, причем они выражают внешнюю, неблагоприятную причину:

*он их велел в тех деньгах ставит на правезе 48 А/34³,
не даи нам гсдрь... в напрасных словах розаритца 69/210,
он сам... побрел к тебе млсти просит в своети вине 168 А/93.*

Конструкции подобного типа представлены в письмах небольшим количеством примеров. Для выражения неблагоприятной причины, оцениваемой говорящим отрицательно, в современном русском языке употребляется обычно предлог *из-за*. Обращает на себя внимание следующий пример: *в каких причинах о том всем уведомя 70/52*, которому в современном русском языке соответствует конструкция: *по каким причинам*.

¹ Котков, С. И., Панкратова, Н. П.: Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века, М. 1964. Котков, С. И., Тарабасова, Н. И.: Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия, М. 1965.

² Финкель, А. М.: Производные причинные предлоги в современном русском литературном языке, Харьков, 1962, стр. 226.

³ 48 А/34 = письмо 48, стр. 34 в издании 1965 г.; 69/210 = письмо 69, стр. 210 в издании 1964 г.

Конструкции с родительным п. и предлогами для, для ради

Предлог *для* уже в древнейших памятниках употреблялся не только в целевом значении, но и в причинном. Наши материалы дают немало таких примеров, в которых предлог *для*, сочетаясь с отвлеченными существительными, выражает причинные отношения. Как показывают следующие примеры, существительные, употребляющиеся в функции зависимого слова, обозначают материальное положение говорящего лица или внешние условия, проявляющиеся как неблагоприятная внешняя причина, ввиду чего говорящий или сам совершает, или просит кого-либо совершить названное в глаголе действие:

ты пожалуй для нужи нашей обмени 158/146, 78/57,
в том деле для деловой поры велено им отсрочит 69/51,
валов продали для скорости (спешности) 73/113.

Конечно вышеуказанные положения, условия, могли препятствовать совершению действия, как и в следующих примерах. В них *для* сочетается с указательным местоимением в сложном предложении и указывает на причину, раскрываемую в придаточном предложении:

я не успел для того что мужики не стали ждать 44/41,
покупки для того не купил был нам гсдрьской смотреть 72/112.

О широком распространении этой конструкции для обозначения причинных отношений в XVII—XVIII вв. свидетельствуют наблюдения Т. П. Ломтева и О. И. Ивановой.⁴ Однако в начале следующего века конструкции с предлогом *для* выступают как остаточные,⁵ что несомненно было связано с возникновением и активизацией таких причинных предлогов, как *из-за*, *в силу*, а во второй половине века — предлога *ввиду* и пр. Ф. И. Буслаев считает, что употребление предлога *для* в значении причины и основания „объясняется тем, что это предложное наречие принималось в значении *ради*, имевшего смысл и цели и причины или основания.”⁶ Близость конструкций с предлогами *для* и *ради* проявляется во-первых в том, что в некоторых случаях эти предлоги употребляются рядом (парно) в одном и том же словосочетании, и при этом они не вносят в конструкции никакого нового оттенка значения причины: один предлог усиливает значение другого. В следующих примерах выражается препятствующая причина:

дле ради своей нужды не поехали 53/44, про сена... не
пишимь для ради того что мала прятали 84/118.

В современном русском языке употребление двойного предлога *для ради* свойственно просторечию.

Упомянутая близость в значении конструкций с предлогами *для* и *ради* обнаруживается, на наш взгляд, при сопоставлении словосочетаний с указанными предлогами.

⁴ Ломтев, Т. Л.: Очерки по историческому синтаксису русского языка, М. 1956, стр. 370. — Иванова, О. И.: Глагольные предложные конструкции в деловой речи начала XVIII века, Куйбышев, 1955.

⁵ Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века, (под редакцией академика В. В. Виноградова и доктора филологических наук Н. Ю. Шведовой). М. 1964, стр. 21.

⁶ Буслаев, Ф. И.: Историческая грамматика, М, 1959, стр. 481.

Конструкции с родительным п. и предлогом ради

Как показывают следующие примеры, в конструкциях с предлогом *ради* в функции зависимого слова выступают, за исключением единичных случаев, те же существительные, что и в конструкциях с предлогом *для*, т. е. *нужда*, *разорение* и пр.

В словосочетаниях названное материальное положение часто заставляет субъекта обращаться с просьбой, мольбой к кому-л. или же ими мотивируется совершенное действие:

пощади гсдрь нас сирот своих. . . ради нынешнег разорения 20/233,
а есть ли к сслужбе братец нужды ради перепущу 31/98,
зложил я. . . в заклад ковтань ради нужды ради 86/217.

Следовательно, в этих конструкциях также выражается внешняя неблагоприятная причина. Предлог *ради* мог сочетаться с более широким кругом существительных, чем предлог *для*:

убытки грехь ради наших учинились 60А/102, порадеи ради вселастиваго
бга и ради преподобных отць. . . а не ради моего убогова прошения 90/62.

Причем в примере (убытки грехь ради наших учинились) можно обнаружить черты сходства с конструкциями *за + вин. п.*, т. е. значение возмездительных отношений, ср. *за грехь наш хлеб не родился 21/233.*

Предлог *ради* мог употребляться и в значении *благодаря + дат. п.*, т. е. выражать благоприятную причину, являющуюся свойством субъекта:

моему окаянству гсдрь бгь милосердия ради своего терпит 270/193.

Небезынтересно сказать несколько слов о месте предлога в этих сочетаниях. По нашим наблюдениям, предлог *ради* стоит после существительного, если в сочетании нет определяющего слова. И наоборот, он стоит перед существительным, если при нем есть определяющее слово. Наконец, предлог *ради* может стоять между существительным и притяжательным прилагательным.

В современном русском языке предлог *ради* в причинном значении встречается редко, когда в состав сочетания входят существительные, обозначающие эмоциональное состояние субъекта (скуки ради, стыда ради и в вопросе: чего ради?).

Конструкции с винительным п. и предлогом за

Довольно часто встречаются в письмах словосочетания с предлогом *за* для выражения разных возмездительных отношений. Общим в зависимых членах этих сочетаний является название качеств, свойств, действий, вызывавших или вызывающих действие глагола, которое происходит как бы в возмещение названного в зависимом члене:

ты их за их дуровство секь 92/122, ты цаловалников не за гсдрское дела
за свои прихоти кнутом биль 18/72, за капусту нас всякъ кленет и бранит
54/45, крестьяне гсдрь кнутом биты за недавозныя возы 11А/125.

В подобных ситуациях в составе конструкций *за + вин. п.* могут употребляться в указанном значении и субстантивированные местоимения:

и онне меня стали бранит материны за то 17/27, за что не принел про то
бгь весть 27/32.

Как видно из примеров, предлог *за* свободно сочетался как с отвлеченными, так и с конкретными существительными. Эта конструкция сохранилась и широко употребляется и в современном русском языке.

Конструкции с творительным п. и предлогом за

Своеобразие значения сочетаний, состоящих из предлога *за* и твор. п. имени, заключается в указании на препятствующие причинные отношения. Зависимым членом сочетаний почти всегда являются отвлеченные существительные, обозначающие чувства, условия, препятствующие субъекту в совершении действия:

я за скорбью своею по се число и не делол 61А/103, я к тебе не бывал за недосугом и за волокитою 123/133, я к Москве не бывал за нуждицею своею 82/117.

Реже употребляются в качестве зависимого слова названия явлений природы, свойства предмета и действия:

топера возит нельзя за балотам да за ржавцами 24/234, семенн льнянова за тежелоною не взяли 30/167, за скорым маршамъ захотъ было... невозможна 22/30.

Исследования в области словосочетаний XIX в. свидетельствуют о том, что на протяжении века сначала происходит лексическое ограничение данной конструкции, а затем ее стилистическая локализация. В результате лексическое ограничение именно встречающиеся в приведенных примерах существительные (названия состояний, свойств, явлений природы) выходят из круга существительных, способных входить в состав этой конструкции. Одновременно с лексическим ограничением конструкций *за + твор. п.* происходит противоположный процесс — процесс активизации словосочетаний с предлогом *из-за*. А стилистическая локализация конструкций с предлогом *за + твор. п.* привела к тому, что эти словосочетания в современном русском языке употребляются чаще всего в официальной, деловой речи. К тому же постепенно происходит превращение некоторых сочетаний (за отсутствием чего-л., за недостатком чего-л.) в сложный предлог. Эти сочетания в современном русском языке могут чередоваться с конструкциями с предлогом *из-за* (*из-за* отсутствия чего-л. и пр.). В дальнейшем следует упомянуть о двух замеченных нами примерах, в которых *за + твор. п.* употребляется в значении *благодаря + дат. п.*:

я за долготерпением бжим... телесне живь 14/70, мы на Москве за поможцию бжию в живых обретаемъ 3/183.

Возможность употребления сочетания *за + твор. п.* в таком значении, видимо, объясняется отсутствием в то время специализированной конструкции способствующей причины, т. к. активизация этой последней происходит только в XIX в.⁷ В письмах замечен только один пример, в котором ведущее слово выражает препятствие, а причина обозначается предлогом *за +* названием конкретного предмета:

меня... и ныне задержали за вином 5/202.

В современном русском языке в таких конструкциях употребляется предлог *из-за*.

Конструкции с родительным п. и предлогами *из, из-за*

Судить об этих конструкциях на основе наших источников невозможно, т. к. конструкции с предлогом *из* почти не встречаются в причинном значении. В единственном найденном нами примере предлог *из* употребляется для выражения не внутренней осознанной причины, а скорее следственной:

баба в распросе из с трех пыток говорила 120А/69 (под пытками).

⁷ См. указанную книгу под пятым пунктом, стр. 47.

Относительно употребления указанных предлогов в конце XVII—начале XVIII века, интересны наблюдения других исследователей. Партенадзе,⁸ рассматривая функции словосочетаний с предлогом *из* в грамотах XVII в., не говорит о его употреблении в причинном значении. О. И. Иванова,⁹ изучая „Письма и грамоты Петра”, обнаружила также небольшое число конструкций с предлогом *из*. На основе всех этих наблюдений можно прийти к предположению об узком распространении данной конструкции в указанный период для выражений причинных отношений. Далее, тот факт, что в письмах существительное *ненависть* употребляется с предлогом *с*, хотя оно выражает внутреннее осознанное чувство субъекта, которое вполне могло послужить внутренним стимулом к действию (в таких случаях в современном русском языке употребляется предлог *из*) свидетельствует о способности конструкций с предлогом *с* передавать и значение осознанной внутренней причины (наговорить с ненависти 56/179).

Конструкция с предлогом *из-за* показывает такую же картину, как и сочетание с *из*. Они были малоупотребительны даже в начале XIX в.¹⁰ Приведем единственный замеченный нами пример:

как бегали из за отца моего 28А/38.

Конструкции с предложным *п.* и предлогом *о*

По нашим наблюдениям, в этих конструкциях значение причинных отношений в чистой форме проявляется только в тех случаях, если существительное, употребляющееся в роли зависимого слова, обозначает имущественное состояние самого производителя или начинателя действия, т. е. когда выражается внешняя побудительная причина:

*послал я к млсти твоеи Лариона о некоторои моеи нужде 88/120,
пълачютца сироты твои о своеи бедности 45/199.*

Чаще всего такие конструкции встречаются в сложных предложениях, выполняя в главном предложении функцию указательного слова, содержание которого раскрывается в придаточном предложении:

мне о том zelo печална что ты от насъ отлучаецца 75/55, о том матушка скорбит что вы не жалуете не ездите 3/80, писано немного и мне о том гораздо печално 6/66, см. еще: 162А/90, 131/136 и др.

Как видно из примеров, в главном слове сочетания выражается чувство субъекта, которое вызывается общим содержанием придаточного предложения. Только единичными примерами представлены конструкции, в зависимых членах которых употребляются существительные, являющиеся названиями конкретных предметов и действий:

о колце онъ насмехаецца 3/262, брат ево... бил челом на батюшка и на дядю об межеване 65А/43.

В этих конструкциях иногда трудно отграничить значение причинных отношений от значения делиберативного объекта. О дальнейшей судьбе конструкций *о + пред. п.* профессор Т. П. Ломтев пишет следующее: „В современном русском литературном языке употребление формы *о + местный падеж* в значении причины неизвестно; однако говоры знают такое употребление изучаемой формы...”¹¹

⁸ Партенадзе, М. Х.: Предложные конструкции в грамотах XVII века, М., 1953. стр. 62—65.

⁹ См. указанную работу Ивановой, О. И. стр. 163.

¹⁰ См. указанную книгу: Изменения в системе словосочетаний XIX века, стр. 45.

¹¹ См. указанную работу Ломтева, Т. П. стр. 369.

Конструкции с родительным п. и предлогом *от*

Наиболее продуктивными и распространенными были в исследуемых письмах построения с предлогом *от*. Этому способствовали, видимо, по крайней мере три фактора:

1. „Сочетание с *от* обозначает просто причину без всяких добавочных оттенков как в сторону конкретности, так и в сторону отвлеченности.”¹²

2. По сравнению с другими первообразными предлогами конструкции с предлогом *от* не были перегружены значениями.

3. Построения с ним были стилистически нейтральны.

Следовательно, этот предлог сочетался с более широким кругом существительных, чем остальные указанные предлоги. В конструкции, выражающие неблагоприятную внешнюю причину, могли входить существительные, обозначающие:

1. Материальное положение субъекта: *многии крестьянишка бредут от голоду врознь 5/225, на Стемас приду от скудости своєї 29/166.*

2. Названия действий, физического воздействия и внешних условий: *разорились мы от службы 110А/64, от теї гсдрь побои я лежал тринадцать недел 99А/58, от поту и мокреди иконы портятца 54/45.*

3. Названия явлений природы: *от того пожару згорело 174/84, смотрим от ветру долго ли не завалится (изба) 54/45, волокита от злых переправ и от великих грязей 18/189.*

4. Широко употребляются названия лиц, из-за которых становится говорящему, как правило, грустно, неудобно или же говорящий испытывает нужду из-за них. В функции зависимого слова в этих случаях часто выступают местоимения, заменяющие названия лиц:

мужикам вашим от подячихь горазда ставитца тягостна 93/122, нам от него (Василия Неболсина) клоот никаких не бывала 35/99, нам гсдрь от них стало тесно 9/23, так я от них принимал нужду 98/124.

5. Реже встречаются в письмах словосочетания с предлогом *отъ*, выражающие чувства и свойства субъекта: *я от той кручины чот жива 36/100, нам бы от их плутовства в кручинях не быт 1/222.*

Конструкции с родительным надежом и предлогом *с*

Единичными примерами представлены конструкции с предлогом *с* для выражения неблагоприятной внешней причины: *с вина умерет 52/44, со слез мои очи помутились 10/266, с воды одной мне сыту не быть 54/45.* В этих словосочетаниях значение неблагоприятной причины создается всем сочетанием. В этих случаях в современном русском языке употребляется предлог *от*. Что касается последнего примера, то в нем возможны два варианта: *сыт чем-н.* или *и*, вероятнее всего, значение сочетания: *от воды сыт не будешь.* Несмотря на то, что конкретные существительные в сочетаниях с предлогом *с* для выражения неблагоприятной причины уже в конце XVII—начале XVIII века были

¹² Пешковский, А. М.: Русский синтаксис в научном освещении, М. 1938. стр. 293.

редки, все-таки их вытеснение, а затем их окончательное исчезновение из разговорной речи, а также из литературы, отражающей эту речь, представляет собой еще длительный процесс, охватывающий весь XIX в.¹³ Также немногочисленны конструкции с отвлеченными существительными: *не помари крестьян зъ голоду 35/170, уморил с людишками з голоду 3А/10*.

В этих примерах речь идет не о причине гибели кого-либо, эти сочетания выражают эмоционально-окрашенную просьбу или сообщение о факте. В современном русском языке значению этих сочетаний соответствует: *уморить голодом*.

Такая же эмоциональная насыщенность характеризует следующие примеры, взятые из народной песни: *с кручины пропадаю, со печали я либо постригуся, со вздыхания л живот мой надорвался 7/264*. Как видно, чувства вызывают эмоционально-окрашенную и, как правило, преувеличенную реакцию.

Коротко подведем итоги:

1. В письмах нами не замечены в причинном значении конструкции с производными предлогами.

2. Наиболее распространены были построения с предлогом *от*.

3. В причинном значении в современном русском языке не употребляются сочетания с предлогами *в* и *для*, а в письмах встречаются. Употребление конструкций с предлогом *о* знают только говоры.

4. В отличие от современного русского языка, в котором предлог *с* сочетается обычно с существительными, являющимися названиями чувств, в исследуемых письмах он встречается и в сочетании с конкретными существительными.

5. Словосочетания с предлогами *из* и *из-за* в конце XVII — начале XVIII в. — по наблюдениям нескольких авторов — были малоупотребительны.

6. В конструкциях с предлогами *для* и *ради*, на наш взгляд, можно усмотреть зачатки значения следственной причины.

7. Для выражения способствующей причины в письмах наблюдается употребление словосочетаний с предлогами *ради* и *за* + *твор. п.*

¹³ См. указанную книгу: Изменения в системе словосочетаний XIX в. стр. 30—31.

К ИСТОРИИ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА И ЗВАТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ В ДРЕВНЕПСКОВСКОМ ГОВОРЕ

И. Х. Тот

Двойственное число

Двойственное число уже в индоевропейском языке было значительно менее дифференцированным, чем остальные формы числа. В тех индоевропейских языках, которые сохраняли его, оно выражается или тремя формами или меньшим количеством форм.¹ Старославянский и древнерусский языки принадлежат к тем языкам, которые у существительных больше всего сохраняли двойственное число^{**}: семь падежных значений которого выражаются тремя падежными формами, как, например, в санскрите.² Однако надо добавить, что старославянскими памятниками не засвидетельствованы формы Дв в основах на *ter, *-ū.³

В древнерусском языке у глаголов формы Дв во втором и третьем лице тоже сокращаются, как так эти лица выражаются окончанием *-та*. Как известно Дв за исключением словенского и сербских языков было утрачено славянскими языками, хотя не бесследно.

Что касается русского языка, в специальной литературе нет полного согласия по вопросу о том, когда вышли формы Дв из употребления. По мнению А. И. Соболевского Дв находим в древнерусских памятниках включительно до XIV в.⁴ А. А. Шахматов указывает на то, „что еще в XIV в. и даже в XV веке двойственное число было живуче.”⁵

Н. Дурново придерживается того мнения, что „Начало этой утраты относится несомненно к общерусской эпохе, но завершился этот процесс уже после распада общерусского языка”.⁶ С. П. Обнорский пишет по этому поводу следующее:

„Die Kategorie des Duals begann im Russischen seit dem 13., 14. Jahrh. allmählich zu weichen und verschwand endlich ganz als lebende Form aus der Sprache.”⁷ Б. Унбегаун предполагает, что „Le duel, en tant que catégorie grammaticale, avait définitivement disparu du russe vers le XIVe siècle.”⁸

По Л. П. Якубинскому „В древнерусских памятниках встречаем формы двойственного числа до XIV в. включительно, но рано находим и смешение форм двойственного числа с формами множественного числа.”⁹ Подобное

¹ Krahe Hans: Indogermanische Sprachwissenschaft. Berlin, 1958, II, стр. 7, 21.

² Krahe Hans: Ук. соч. стр. 21.

³ Diels Paul: Altkirchenslavische Grammatik. Heidelberg, 1932, стр. 175, 178.

⁴ Соболевский, А. И.: Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 204.

⁵ Шахматов, А. А.: Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 208—209.

⁶ Дурново, Н.: Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 265.

⁷ Obnorsky S.: Dualspuren in der nominalen Deklination des Russischen. Zeitschrift für slavische Philologie. II. Leipzig, 1925, стр. 61.

⁸ Unbegaun B.: La langue russe au XVIe siècle. Paris, 1935, стр. 218.

⁹ Якубинский, Л. П.: История древнерусского языка. М., 1953, стр. 171.

** (В дальнейшем: Дв)

предположение высказывает и М. А. Соколова: по мнению которой Дв „живая категория в период XI—XIII вв., о чем свидетельствует употребление ее в памятниках письменности.”¹⁰

Авторы цитированных выше высказываний об утрате Дв согласны в том, что Дв сравнительно рано вышло из употребления в живом языке.

Совсем другую точку зрения высказал П. Я. Черных, считающий, что „к XVI столетию, надо полагать, этот процесс в основном уже закончился на всей русской территории.”¹¹

Несмотря на важность этой проблемы, долгое время ни одна монография не была посвящена изучению утраты Дв в русском языке. Последнее время очень многое сделано в изучении истории Дв А. М. Йорданским, написавшим целую монографию о нем. Автор приходит к заключению, что процесс потери уже начался в дописьменный период истории русского языка. Йорданский дальнейшую историю Дв разделяет на два периода: в XI—XII вв. происходит вытеснение свободных конструкций Дв формами мн. ч. Начиная с XIII в., завершается его утрата в несвободных конструкциях, т. е. после *дѡва, дѡве, оба, обе*.¹²

Однако Дв не во всех диалектах русского языка вышло одновременно: в этом отношении существовала разница между говорами русского языка.

А. А. Шахматов указал в свое время на то, хотя в двинских грамотах отмечается полная утрата Дв в новгородских грамотах нет указаний на его утрату.¹³

Предположение Шахматова о разнице в утрате Дв делают нужным исследование Дв в отдельных диалектах русского языка. В этом отношении заслуживает внимания древнепсковский говор. Псковские летописи дают интересные сведения о судьбе Дв. Имеющиеся в них случаи употребления Дв были разбиты нами на 2 группы: свободное употребление Дв и несвободное, т. е. употребление его при числительных *дѡва, оба*. Большое внимание уделяется нами косвенным падежам Дв, поэтому мы их выделяем особо.

Свободное употребление Дв

Син

Им., вин. падежи и 3в форма

стояща святая мученика Бориса и Глеба 158, возведев руце на небо 159, упадетя ти зеници 162, в руце его 159 б, 166 б, вторая жидова 169 б, на очи 203 б, 205, 209.*

Косвенные падежи

пад на колену 157, 168, к святыма мученикома Борису и Глебу 157 б, 158, от мученику 158, от очю его 158 б, радостныма очима 158 б, имем его рукама 168, рукама яша 169.

Наряду с правильным употреблением форм Дв, нами обнаружены случаи его вытеснения формами мн. ч.: *имем Александра рукама 159 б, рукама яти 163 б, рукама яша 184, 192, 200.*

¹⁰ Соколова, М. А.: Очерки по истории русского языка. Л., 1962, стр. 97.

¹¹ Черных, П. Я.: Историческая грамматика русского языка. М., 1954, стр. 161.

¹² Йорданский, А. М.: История двойственного числа в русском языке. Владимир, 1960, стр. 22.

¹³ Шахматов, А. А.: Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV века. Исследования по русскому языку. I, СПб., стр. 203.

* Для передачи буквы *ять* пользуемся буквой *е* с жирным шрифтом.

Стро

Им., вин. падежи и 3в форма

вторая жидова 12, в руке 31, выныше оу него очи 83.

Косвенные падежи

поима рукама 82, рукама изымаша 89, поимаше рукама 106, 107, 1902, своима очима 138, 138 б.

Примеры на вытеснение Дв следующие: *руками яша 1, 3, 3 б, 12, 26, 54, 192 б, 196, 201, 207, 207 б, на очех 101.*

Тих

Им., вин. падежи и зв форма

руке и нозе 12 б, царя умолиста сестру 16 б, в руке 19, вторая жидова 22 б, показаша плещи своя 40, выныша оу него очи 61 б, на очи 77 б.

Косвенные падежи

рукама яти 96, рукама няти 23 б, руками яша 38, 41, рукама поимаша 52, поима рукама 61, твари руку своею 13, от царю 16 б, боляше очима 17, мощей святую, новоявленную мученику Бориса и Глеба 19 б, молитвами... Бориса и Глеба царю земля 25 б.

Ниже приведенные примеры свидетельствуют о вытеснении Дв формами мн. ч.: *ко царем Василию и Костянтину 16 б, цари и рекоста 16 б, изымаша руками 19 б, руками яша 42, 47 б, 62, поимаша руками 80 б, имаше руками 81 б, церкви святых архангель Михаила и Гаврила 28, святых мученикъ Бориса и Глеба 26 б, 55.*

Несвободное употребление отмечено нами в следующих случаях:

Син

Косвенные падежи

от двою отцу и брату 155 б, от двою на десять кординалу 161, двема диаконома 168 б, по две ногате 169, двема господарема 216.

Стро

Косвенные падежи

из обою окоу 42, двема путьма 104, с обою сторону 108 б, 187, по обема сторонома (sic!) 187. В этих примерах заслуживает внимания неправильное согласование по роду. Подобное явление характерно и для более ранних памятников русского языка, напр. *по ланитома* Муз. ев. XII. в. Ошибка в согласовании свидетельствует о том, что Дв не было живой категорией.

Тих

Косвенные падежи

из обою оку 32 б, со своими (sic!) сынома 54.

Случаи употребления существительных при числительных ддва, оба имеют некоторое своеобразие, которое появляется в следующих:

1. Им., вин. падежи Дв в основах на *а ја ж. р. и *о јо м. р. совпадают по форме с р. п. и поэтому невозможно решить на основании особенностей наших источников, что такие формы, как *посла 2 человека* Син 186., *посшала два посадника* 189 б, *2 месяца* 191, *два костра* 195, *два исада* Стро 102 б, *по два года* 118 б, *послал два посадника 2 боярина* 177 б, *два посада* Тих 9, *два попа* 58, и пр. являются ли остатками Дв, или представляют собой р. п. ед. ч. С полной уверенностью как формы Дв можно истолковать следующие случаи: *два князя немецкая яша* Стро 83, *две светиле* Тих 12 б. В первом случае определение, во втором правильно образованная форма указывает на Дв.

2. Вместо Дв встречаются формы мн. ч. в следующих случаях: *по двою летех* Син 155, *с обою сторонь* 190, *с обою сторонь* 194 б, 196 б, 217, *с двема сыны* 195 б, *двема путми* Стро 104, *с обою сторон* 107 б, *с обыю сторонь* 110, *с обеихь сторонь* 229.

3. Наши источники свидетельствуют и о том, что после числительного *двое*, и обе употреблен род. п. ед. ч.: *две иконы* Син 179, *по обе стороны* Стр. 26, *за два поприща* 26 б, *2 лета* Тих 22 б, 58. В сочетании с числительными 3, 4 тоже употреблен р. п. ед. ч.: *4 месяца* Син 180, *по три года* 189 б, *три конца* 202 б, *3 месяца* 220, *три собора* Стро 78 б, *4 лууча* 202, *послаша 4 посадника* 22 б, *три собора* 78 б.

Употребление род. п. после 3, 4 косвенно подтверждает наше предположение о том, что формы *2 человека* были переосмыслены в р. п. ед. ч. Различать эти формы было бы возможно только в том случае, если бы ударение этих существительных было нам известно. Ударение на *-а* у тех существительных, которые имели его на основе, могло бы дать нам возможность отграничить употребление от р. п. ед. ч. Однако, как известно, не все ученые принимают окончное ударение флексии им. вин. падежей и *Зв* формы в Дв.¹⁴

4. Характерной чертой древнепсковского языка было наличие флексий *-е*, *-е* в р. п. ед. ч. существительных с основой на *-а* вм. флексии *-ы*.

Имея в виду эту особенность наших источников, мы не можем решать вопрос о том, что после числительного 2 флексия *-е*, *-е* восходит ли к Дв. В наших источниках мы встречали следующие сомнительные формы: *две насаде* Син 164, *по две наготе* 169, *на обе стороне* 200, *два воеводе* Стро 1, *на обе половине* 133, *по две наготе* Тих 19 б. Подобные случаи с *-е*, *е* встречаются в новгородских памятниках XVI в., которые Б. Унбегаун считает формами р. п. ед. ч.¹⁵ Следует отметить, что флексия *-е* после числительных два, две известна и из современных псковских говоров: *ja dve zim'e imila* Сатужина, *d'v'e izb'e* Савкино.

Небезынтересно сравнение реликтов Дв в Псковских летописях с памятниками XV—XVI вв. В Уложении 1649 г. „нет даже пережиточных форм в склонении” Дв.¹⁶

В Книге о ратном строе можно отметить следующие пережитки Дв: *крыле*, *перед очима*, *обема сторонама*, *над двема тысячма*.¹⁷ В списках Хождения за три моря Афанасия Никитина, восходящих к XV—XVII вв., также очень редки остатки Дв: *два месяца*, *две сте тысяч*, *двема суды*.¹⁸ В Домострое М. А. Соколова отметила только слабые остатки Дв.¹⁹

Б. Унбегаун, исследовавший язык XVI в. считает употребление косвенных падежей Дв весьма редким в источниках XVI в. Он цитирует из косвенных падежей существительного *очи* только форму *очима* и больше примеров не приводит на употребление Дв из своих источников.²⁰

¹⁴ Бухаловский, Л. А.: Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, стр. 119—120.

¹⁵ Unbegaun В.: Ук. соч. стр. 219.

¹⁶ Черных, П. Я.: Язык Уложения 1649 г. М., 1955. стр. 254.

¹⁷ Черных, П. Я.: Язык Уложения 1649 г. стр. 254.

¹⁸ Winter-Wirtz Paul: Die Reise des russischen Kaufmannes Afanasii Nikitin über drei Meere und sein Aufenthalt in Indien 1466-1472. Heidelberg, 1960, стр. 115.

¹⁹ Соколова, М. А.: Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л., 1957. стр. 135.

²⁰ Unbegaun В.: Ук. соч. стр. 223.

По сравнению с вышеуказанными памятниками, мы можем констатировать, что в Псковских летописях сохранилось больше следов Дв, чем в цитируемых выше. Бросается в глаза, что сравнительно полно представлены ими косвенные падежи Дв некоторых существительных, которые позволили нами составить целую парадигму Дв:

И. В.	Зв.	руце	очи	царя
Р.	М.	рукоу	очию(оку)	царю
Д.	Тв.	рукама	очима	царема

Из этих примеров особенного внимания заслуживают формы *очи* и *руце*. Они обозначают парные части тела. Современные псковские говоры знают адвербализованную форму существительного *очи*: *очью*. Подобные примеры встречаются и в других славянских языках. Существительные *рука* и *нога* сохранили следы Дв и в современном украинском и белорусском языках: 2 *руцi*, 2 *руцэ*, *назе*. В этом отношении хорошими примерами располагает польский язык, имеющий формы *oczy*, *uszu* (р. п. мн. ч.) *oczyna*, *uszyna* (тв., м. п. мн. ч.) наряду с правильными *oczów*, *uszków*, *oczami*, *uszami*, *oczach*, *uszach*. Существительное *гока* тоже характеризуется сохранением реликтов Дв: *госе* (и. п. мн. ч.) *гоку* (р., м. п. мн. ч.) *гокома* (д., тв. п. мн. ч.).²¹

Примеры, взятые из псковских памятников, по сравнению с другими памятниками русского языка, и данные украинского, белорусского и польского языков делают вероятным наше предположение о том, что древнепсковский говор принадлежал к тем говорам, которые дольше сохранили Дв. Особенно заметна эта особенность у существительных, обозначающих парные части тела.

Подытоживая результаты наших наблюдений, мы можем сделать следующие выводы о судьбе Дв в древнепсковском говоре:

1. При изучении форм Дв в Псковских летописях мы должны учитывать, что в них мы имеем дело со сложными по языку текстами, на которые заметное влияние оказал церковнославянский язык и которые сохранили много архаических элементов.

Влияние церковно-книжного языка особенно ярко, дает себя знать в таких местах Псковских летописей, которые содержали житие святых. Хорошо иллюстрируют распределение форм Дв данные Дв, где на листах 156^r—166 находятся жития Александра Невского и Довмонта. Из имеющихся в *Син* случаев свободного употребления Дв 14 примеров обнаружено нами на первых 10 листах летописи, а на остальных встречаются только 7 случаев употребления Дв.

2. При изучении Псковских летописей мы должны обратить внимание и на то, что они отражают и живой псковский говор. Исследовав их, надо придавать значение употреблению форм Дв особенно в несвободных конструкциях. Обилие косвенных падежей Дв и сочетание с *дѣва*, *оба* могут отражать свойственную древнепсковским говорам особенность, которая отличала их от других говоров русского языка: именно задержку утраты Дв. Можно предполагать, что Дв дольше сохранилось в древнепсковском говоре в следующих случаях;

- а) в несвободных конструкциях с числительными *дѣва*, *оба*,
- б) у существительных, обозначающих парные части тела,
- в) у тех же существительных в конструкциях с числительными *дѣва*, *оба*.

²¹ Bronislaw Wieczorkiewicz-Roxana Sinielnikoff: Elementy grammatyki historycznej języka polskiego. Warszawa, 1965. стр. 101-102.

Наше предположение подтверждается данными одной из псковских грамот, опубликованных Л. М. Марасиновой. В грамоте № 35 читаем следующее: *Дах живот свои и отчину свою дшерма своима Ефимъи и Настахе.*²² Неизвестно же даже из старославянских памятников слово в Дв употребляется в этой форме в грамоте № 35, подлинник которой восходит к XV в., а копия с него сделана около 1669 г. Наличие формы Дв в грамоте № 35 делает наше предположение о задержке Дв в древнепсковском говоре более вероятным.

Звательная форма

Звательная форма** уже в индоевропейском языке была ограничена: она не образовалась от имен среднего рода, а в двойственном и множественном числе существительных она не имея самостоятельного показателя, совпала с им. п. Потеря Зв продолжалась в общеславянском языке. Что касается древнерусского языка, в нем, по мнению А. И. Соболевского, Зв существовала только у основ на *-ā, *-o, *-ŭ, *-i, но и у этих основ не во всех разновидностях.²³ Так например существительные с основой на -а, в мягком варианте оканчивавшиеся на *и*, в им. п. ед. ч. не имели особой Зв.

Ограниченность употребления этой формы выражалась и в том, что у некоторых существительных в функции Зв употреблялся им. п. ед. ч., как это отмечается у существительного *братья*.²⁴ Спорадическая утрата интересующей нас формы обнаруживается исследователями уже в памятниках XI в.: Марфа, Марфа, печеси ся, Остр. ев., Захария, священиче, Минея 1095 г. Однако эти примеры указывают на начальную стадию потери Зв, потому что в памятниках довольно хорошо выдержано употребление этой формы.

По поводу распространенности Зв А. И. Соболевский пишет следующее: „Трудно сомневаться, что в великорусских говорах в XIV в. уже преобладала в значении звательного п. — форма имен.; но несомненно древние формы зват. от некоторых слов были еще в полном употреблении. Таковы господине, княже, сыну.”²⁵ Н. Дурново так характеризует судьбу Зв: „В грамотах, летописях и т. п. памятниках они встречаются до XVII в., но лишь в стереотипных формулах, в силу литературной традиции: господине, княже, сыне.”²⁶ М. А. Соколова не определяет точно времени утраты Зв, но она считает потерю ее сравнительно древней.²⁷ В. В. Иванов определяет XIV—XV вв., как период утраты Зв.²⁸ В. И. Собиинникова о судьбе Зв высказывается следующим образом: „Звательная форма очень рано в севернорусских говорах стала заменяться именительным падежом. . . Очевидно, вытеснение звательной формы шло из северных диалектов.”²⁹

Противоположное всем этим взглядам мнение о времени утраты Зв было высказано профессором П. Я. Черных, согласно которому: „Невозможно установить, когда и где началось это вытеснение. . . К середине XV в. эти формы

²² Марасинова, Л. М.: Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966. стр. 75.

²³ Соболевский, А. И.: Ук. соч. стр. 190.

²⁴ Соболевский, А. И.: Ук. соч. стр. 190.

²⁵ Соболевский, А. И.: Ук. соч. стр. 191.

²⁶ Дурново, Н.: Очерк истории русского языка. М.—Л. 1924, стр. 279.

²⁷ Соколова, М. А.: Очерки. . . стр. 99.

²⁸ Иванов, В. В.: Историческая грамматика русского языка. М. 1969, стр. 317.

²⁹ Собиинникова, В. И.: Лекции по исторической грамматике русского языка. Воронеж, 1967, стр. 107.

** (В дальнейшем Зв)

кое-где перестали восприниматься как формы живого языка... вытеснение формы звательного падежа формой именительного в Москве в общих чертах закончилось задолго до этого времени."³⁰

Как бы то ни было, интересно, что в своей грамматике Г. В. Лудольф подчеркивает для своего времени отсутствие Зв в живом языке „Denique notandum, quamquam in vulgari dialecto Vocativus similis sit Nominativo, non nunquam tamen Vocativum Slavonicum eos retinere, quod fieri solet in rebus spectantibus ad religionem: quae ipsis Slavonice tradita fuit, ut боже помилуй miserere Deus."³¹

Зв была полностью утрачена русским литературным языком, в белорусском и украинском языках она осталась живой категорией.

Целью нашей работы является выявить судьбу и закономерности утраты Зв в древнепсковском говоре. Нашими источниками при этом служили Псковские летописи.

В Псковских летописях мы обнаружили некоторые случаи употребления Зв, однако отмечались нами и случаи вытеснения ее им. п. ед. ч. Согласно этому наши материалы мы разбили на 2 группы: 1) случаи употребления Зв, 2) случаи вытеснения Зв. Материалы, извлеченные из Псковских летописей распределяются следующим образом:

Син

Зв употребляется в следующих случаях: *господи* 157 б, 159, 164 б, 168, *глебе* 158, *брате* 158, *боже* 159, 164 б, 169, *о княже нашъ* 159, *александре* 160, *бедный чловеце* 161, *святой воевода леонте* 163, *братье моя* 163 б, *княже всеволоде* 163 б, *госпоже дево богородице, владычице, пречистаа девице* 168, *заступнице* 168, *владычице* 168 б, *Христѣ* 196, *господине* 172 б.

Им. п. в.м. Зв

святой воевода 163 б, *господа, Псковичи* 195.

Стро

Зв употребляется в следующих примерах:

княже 1 б, 5 б, 6, 6 б, 29, *господине* 5, 16 б, 17 (2х), 122, *Всеволоде* б, *господи* 8 б, 34, *отче* 13, *господа* 54 б, *боже* 88, *братье* 104.

Им. п. в.м. Зв.

Братья 5 б, (2х) *святой, великий воевода Леонтии и благоверный княже Всеволоде* б, *святаа троица* б, *господа* 48, *господа псковичи* 48, *как еси самъ господинъ* 122.

Тих

Зв употребляется в приведенных ниже случаях: *боже* 9 б, *господи* 9 б, *отче* 13, *братье* 20 б, (26,), *господине* 26, 26 б, 28, 65 б, 83, *Олигерде* 28 б.

Им. п. в.м. Зв.

господа 41, 46, *братья наша* 67 б, *что бы, еси, господинъ, пожаловаль* 73 б.

Рассмотрев случаи употребления и вытеснения Зв в Псковских летописях, мы сделаем несколько примечаний:

1. Надо иметь в виду, что Зв в этих случаях обнаружена в летописи, в языке которой она могла попасть или из источников, использованных при составлении летописи, или из протографа. В этих случаях Зв представляет собой архаизм языка летописи.

³⁰ Черных, П. Я.: Историческая грамматика... стр. 162.

³¹ Ludolf G. W.: Grammatica Russica, Edited by B. O. Ungebaun. Oxford, 1959, стр. 15.

2. Большая часть употребления Зв падает на те части летописи, которые содержали жития святых: в Син Зв обнаружена нами в житиях Александра Невского и Довмонта. В этих случаях употребление Зв объясняется влиянием церковного языка.

3. Вне этих случаев она употребляется в стереотипных формулах: *братъе, господо* (псковичи), *княже, господине*.

4. Бросается однако в глаза, что кроме одного случая (Леонте Син 163) Зв употреблена правильно. Правильность образования Зв в псковских источниках Н. Каринский толкует следующим образом: „... точное следование оригиналу в данном случае, при уклонениях от него в некоторых других случаях, весьма знаменательно. В других псковских памятниках мы также находим факты, подтверждающие вероятность положения о том, что формы звательного падежа по крайней мере сохранились в живом говоре псковичей XIV в.”³²

Интересно сравнить наши данные с данными других памятников. В Псковских летописях обнаружены нами случаи употребления Зв от следующих существительных: *Александръ, богородица, богъ, братъ, братья, владычица, Всеволодь, Глебъ, господа, госпожа, господинъ, господъ, девица, князь, Леонтий, Олигердь, отецъ, человекъ*.

В памятниках первой половины XVI в. Б. Унбегаун отмечает следующие примеры: *господине, брате, госпоже*. О них он говорит как о действительных следах Зв; форму *боже* считает заимствованием из церковнославянского, а форма *пане* по его же мнению была заимствована из польского языка. Унбегаун подчеркивает, что Зв существительного *господинъ*, потеряв свое грамматическое значение, является только вежливым обращением.³³ На основе высказываний Б. Унбегауна, мы также можем предположить, что в наших материалах имеются определенные классы употребления Зв. Одни случаи Зв могут быть заимствованиями из церковно-книжного языка, другие же являются следами бытовавшей в языке псковитян Зв. Однако неисключено и то, что заимствования из церковно-книжного языка проникли в язык летописей потому, что имели основу в живом псковском говоре. Из живого языка могла попасть Зв в общий протограф псковских летописных сводов, составленный в середине XV в., но восходящий к местному псковскому летописанию XIII в.³⁴

О более поздней утраты Зв свидетельствует ее влияние на существительные м. р. ед. ч. Некоторые собственные и нарицательные имена в Псковских летописях имеют флексию *-е* в им. п. ед. ч., восходящую к Зв:³⁵

Карпе Син 18 б, *городке* 193, *морозе* 196 б, *смерде* 224, *посаднике* Стро 29, *Иванке* 123, *немецкеи дворе* 147 б, *Володнине* Тих 63 б.

Случаи правильного употребления Зв и ее влияние на существительные м. р. в Псковских летописях дает нам возможность предположить, что Зв дольше сохранилась древнепсковским говором, чем другими древнерусскими говорами. Может быть, что здесь сыграли роль соседние белорусские говоры, имевшие ее. Однако вытеснение Зв им. п. в наших источниках указывает и на то, что она хотя и позже, но все-таки была утрачена древнепсковским гово-

³² Каринский, Н.: Очерки из истории псковской письменности и языка. I. Петроград, 1916, стр. 49—50.

³³ Унбегаун, Б.: Ук. соч. стр. 386.

³⁴ Псковские летописи. Вып. II. Под редакцией А. Н. Насонова. М. 1955. стр. 5—6.

³⁵ Шахматов, А. А.: Историческая морфология русского языка. М. 1957, стр. 50.

ром. В языке XVI в. Зв была уже только книжным элементом, которым писатели XVI в. пользовались в определенных случаях. Так, например, в Повести о приходе Стефана Батория на град Псков случаи употребления Зв имеют явный стилистический характер, так как придают речи персонажей торжественный, высокий характер, например: Вем, бо, рече, госпоже, богородице, яко елико просиши у сына своего бога не презрит моления твоего, гетманы сицевая же ему глаголаху: милостивый государю, кралю, Степане, только видев безчисленное войское твое, вся, прибывающая во Пскове люди, вси, государю, убоятца.³⁶

³⁶ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста и статьи В. М. Малышева. М.—Л. 1952, стр. 36, 52.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Карпов.	Поиски жанра	3
Дь. Секе.	Раскрытие одной загадки (О „неизвестном” источнике стихотворения Жуковского)	10
М. Хармат.	„Мотивы” и их функции в композиции романа Л. Н. Толстого „Анна Каренина”	14
Э. Саламин.	Методы функционального анализа отграничения модальных слов от наречий	19
И. Феринц.	Предложные словосочетания, выражающие причинные отношения в частных письмах конца XVII начала XVIII века	28
И. Х. Тот.	К истории двойственного числа и звательной формы в древнепсковском говоре	35

Felelős kiadó: Szőke György

Megjelent: 300 példányban 4,25 (A/5) ív terjedelemben. A kézirat a nyomdába érkezett 1969. június hó

Készült: monószedéssel, íves magasnyomással az MSZ 5603-55 szabványok szerint

69-7337 — Szegedi Nyomda